

Санкт-Петербургский государственный университет

ТРОФИМОВ Артём Евгеньевич

Выпускная квалификационная работа

Полтавская победа в русской панегирической литературе XVIII века

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5611. «Русская литература»
Профиль «Русская литература»

Научный руководитель:
доцент,
Кафедра истории русской
литературы,
Матвеев Евгений Михайлович
Рецензент:
профессор,
Альбертский университет
(Канада),
Погосян Елена Анатольевна

Санкт-Петербург
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ	
О ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА	13
1.1. Общие положения	13
1.2. Жанровые и сюжетные особенности прозаических панегириков Петровской эпохи в честь Полтавской победы	15
1.3. Отношение к античности в прозаических панегириках Петровской эпохи на Полтавскую тему	27
1.4. Полтавская панегирическая топика в прозаическом панегирике первой трети XVIII века	34
1.5. Церковная служба в честь Полтавской победы Феофилакта Лопатинского	40
ГЛАВА 2. ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА В РУССКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА	47
ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ ОДНОГО СЮЖЕТА ОТ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МИФА О ФАЭТОНЕ). ЭКСКУРС	97
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА И МИФ О ПЕТРЕ I	106
ПРИЛОЖЕНИЕ	114
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	124
Источники	124
Научная литература	126
Справочная литература	132

ВВЕДЕНИЕ

События Северной войны (1700–1721 гг.) оставили неизгладимый след в русской культурной памяти, среди которых, пожалуй, особое место имеет победа под Полтавой 27 июня (8 июля) 1709 года. Этот триумф русского оружия виделся современникам событием беспрецедентным по своей значимости для истории Российского государства, и к теме Полтавской победы не раз обращались деятели русского искусства, начиная с первой трети XVIII в. От героических учёных панегириков и солдатского фольклора Петровской эпохи до исторических поэм конца столетия тема Полтавской баталии неоднократно переосмыслялась.

В представляемой выпускной квалификационной работе объектом исследования является тема Полтавской победы, возникающая в панегирических произведениях разных авторов на протяжении XVIII века, предметом — способы обращения к этой теме.

Цель настоящей работы — проанализировать развитие полтавской темы в русской литературе на протяжении XVIII века.

Задачи исследования включают:

- 1) Аналитическое описание литературных произведений первой трети XVIII в., являющихся непосредственными откликами на Полтавскую победу;
- 2) Выявление случаев упоминания Полтавской победы и смежных с ней тем в русской панегирической литературе середины-конца XVIII в.;
- 3) Выявление целей и смысла обращения к теме Полтавской победы у авторов середины-конца XVIII в., тематического ореола темы Полтавской победы, а также способов изображения этого события в художественной литературе той эпохи.

Метод исследования — историко-культурный.

Актуальность работы обусловлена отсутствием на сегодняшний день комплексных исследований, посвящённых развитию полтавской темы в истории русской литературы.

В область практического применения работы входит освещение материала, необходимого для создания учебных и учебно-методических курсов по истории русской литературы XVIII века. Кроме того, материалы работы были использованы в ходе составления Словаря антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII в., работа над которым ведётся в настоящее время в отделе «Словарь языка М. В. Ломоносова» ИЛИ РАН.

Поскольку Полтавская победа представлена преимущественно в окказиональной литературе (рассмотрение которой требует привлечения внелитературного контекста), представляется уместным выйти в рамках данной работы за пределы собственно анализа художественных текстов. В связи с тем, что в объективе нашего внимания находятся идеи, определяющие политическое сознание и мировоззрение общества, мы обратимся в настоящей выпускной квалификационной работе к истории идей, возникающих в связи с полтавской темой в русской литературе. В период строительства новой России при Петре, а также при других правителях XVIII в., одной из главных идей для государства была идея империи. В связи с этим в объективе нашего внимания будет находиться функционирование полтавской темы также в контексте истории идей. На литературном материале мы проследим, какое значение имела Полтавская победа для формирования имперского идейного конструкта, мифологизации его основных образов и сюжетов, а также для социальной и культурной жизни русского XVIII века. Обращаясь к многогранной идейной стороне произведений о Полтавской победе, мы невольно сталкиваемся с рядом заслуживающих внимания смежных тем, постоянно сопровождающих упоминания Полтавской победы в панегирических текстах (тема Петра I, тема античного наследия, тема империи и др.). Эти темы также стали предметом рассмотрения в данной работе.

Структура работы продиктована задачами исследования и стремлением продемонстрировать как тематическое развитие сюжета о Полтаве, так

и жанровую преемственность произведений о Полтавской победе.

Работа состоит из следующих частей.

Во введении дан краткий исторический очерк о Полтавской победе и её роли в русской культуре, описаны история изучения интересующей нас проблематики, а также привлечённый нами для анализа литературный материал.

В первой главе, сосредоточенной на творчестве церковных авторов первой трети XVIII в., проанализированы прозаические панегирики в честь Полтавской победы, созданные в период с 1709 по 1720 год Феофаном Прокоповичем, Стефаном Яворским, Гавриилом Бужинским (кроме того, в качестве иллюстративного материала для отдельных тезисов привлечены фрагменты из произведений менее известных авторов), а также текст церковной службы в честь Полтавской победы, созданный Феофилактом Лопатинским. Внимание уделено внутренним особенностям организации текстов, а также эволюции художественных особенностей полтавских панегириков в рамках творчества избранных авторов. В отдельных параграфах проанализированы повествовательные особенности и способ изображения античных героев, поскольку именно эти черты претерпевают с течением времени наибольшие изменения в панегириках в честь Полтавской победы. Также отдельный параграф посвящён распространённым образам и мотивам, возникающим в текстах в связи с полтавской темой.

Вторая глава посвящена произведениям 1730–1811 годов (в 1811 году праздновалось столетие со дня Полтавской победы). В ней рассматриваются стихотворные панегирические произведения (главным образом — торжественные оды) В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, М. М. Хераскова, а также менее крупных авторов второй половины XVIII века. В объективе внимания в данной главе находится позднейшее развитие полтавской темы в русской литературе, её актуализация и «затухание» в определённые исторические периоды.

В конце главы частично освещается празднование 100-летия со дня Полтавской победы в 1811 г. в Полтаве, поскольку с этим событием связан ряд знаменательных художественных текстов.

Третья глава содержит экскурс в историю одного типично «полтавского» образа русской литературы — образа падающего Фаятона. Прослеживаются истоки, зарождение и развитие этого мифологического образа в русской литературе XVIII в., а также роль Полтавской победы в формировании его аллегорического субстрата.

Разный объём глав и разные способы подачи материала обусловлены идеей работы. Обзор панегириков Петровской эпохи предполагает анализ некоторых общих особенностей поэтики этих текстов, для чего выделены отдельные параграфы. В то же время обзор стихотворных панегирических текстов постпетровского периода предполагает диахронический контекстуальный анализ упоминаний Полтавской победы, в связи с чем вторая глава работы не разбита на отдельные параграфы.

При цитировании рукописей и текстов дореволюционных изданий мы приводили цитируемый текст в соответствии с нормами современной графики, но сочли нужным сохранить орфографию оригинала (флексии, слитные и раздельные написания и т. д.).

* * *

К 1709 г. отношения в экспансионистской политике двух великих держав — Русского царства и Шведской империи — накалились почти до предела. Победы Карла XII над войсками польского короля и саксонского курфюрста Августа II придали уверенности шведскому королю, а вызывающие действия Петра I (основание Санкт-Петербурга вблизи от шведской границы, победы в Ингерманландии и Курляндии) вынудили шведов начать Русский поход в 1708 году. Эта военная кампания ознаменовалась сражениями при Головчине 3 (14) июля, при селе Добром 30 августа (10 сентября), у Раёвки 9 (20) сентября, при деревне Лесной

28 сентября (9 октября). Осенью 1708 года, нарушив клятву верности Петру I, на сторону Карла XII перешли запорожский гетман И. С. Мазепа и в общей сложности порядка 10 тысяч казаков. С апреля по июнь 1709 года окрепшее шведское войско предприняло 20 безуспешных попыток штурма города Полтавы, после чего было разбито тыловыми нападениями полков А. Д. Меншикова, А. А. Головина, Ф. П. Беллинга, Б. П. Шереметева. Решающим событием в подготовке российского войска к сражению стало прибытие на место действия Петра I 4 (15) июня и переправа через реку Ворсклу. 16 (27) июня на военном совете решено было дать шведам финальное сражение, призванное решить судьбу Левобережной Украины и присутствия русских на юго-западе. Хотя силы сторон, как может показаться, накануне сражения были неравны (со стороны шведов непосредственно в битве участвовало около 16000 человек, со стороны русских — порядка 42000), шведская армия оставалась одной из самых боеспособных и эффективных в Европе. Утром 27 июня (8 июля) шведские отряды двинулись в сторону российского войска. Лаконично и ярко описан ход сражения в «Истории Свейской войны»: «И тако о 9-м часу пред полуднем генеральная баталия началась. <...> В которой хотя и зело жестоко в огне оба войска бились, однако ж далее двух часов не продолжалась, ибо непобедимыя господа шведы скоро хребет показали. И от наших войск с такою храбростию вся неприятелская армия (с малым уроном наших войск, еже наивящше удивительно есть), кавалерия и инфантерия, весьма опровергнута, так, что швецкое войско ни единожды потом не остоновилось, но без остановки от наших шпагами и багинетами <...> колоты и даже до обретающагося лесу <...> гнаны»¹.

За победой последовало торжественное шествие Петра в статусе победителя по городам своего государства. Въезд Петра в новый город был семиотически организован. Ричард Уортман пишет: «Полтавским триумфом, самым грандиозным за время Северной войны, было отмечено принятие

¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. Вып. 1. М., 2004. С. 162.

Петром имиджа полководца, *императора* [курсив автора — *A. T.*] в первоначальном смысле слова. Пётр теперь въезжал верхом, вслед за Преображенским полком, охранявшем шведских пленных, въезжал не как капитан, а как полководец. На семи арках, которыми был украшен его путь, Пётр был представлен в различных обличьях. На Синодальной арке он был изображён в виде Марса, в римском военном одеянии, с лаврами в руках. Сделанное Туробойским описание арок, воздвигнутых Московской академией, говорит о Петре как о “всероссийском Геркулесе”, превзошедшем даже самого Геркулеса своими подвигами...»².

Трудно переоценить роль Полтавской победы для формирования русского культурного сознания в XVIII в. С общественно-политической точки зрения, этот триумф доказал силу и мощь русской армии, военно-стратегический талант полководцев — Б. П. Шереметева, А. Д. Меншикова, А. И. Репнина, И. И. Скоропадского и др., — наконец, это был триумф политического гения Петра I. Разгром мощнейшей в Европе шведской армии Карла XII стал переломным событием эпохи Северной войны. Триумф Петра под Полтавой стал одним из первых событий, положивших конец Шведскому великодержавию и гегемонии Швеции в Северной Европе. Торжество победы заставило ликовать и самого Петра. Историками неоднократно освещался факт милосердия царя, усадившего за победный пир помилованных им вражеских генералов: «...под Полтавой девятилетний камень свалился с плеч Петра: русское войско, им созданное, уничтожило шведскую армию, т.е. 30 тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга. Пётр праздновал Полтаву, как великодушный победитель, усадил за свой обеденный стол пленных шведских генералов, пил за их здоровье, как своих учителей, на радостях позабыл преследовать остатки разгромленной армии, был в восторге от гремевшего красным звоном панегирика, какой в виде проповеди произнёс ему в киевском Софийском соборе префект

² Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2002. С. 78.

духовной академии Феофан Прокопович»³, — красноречиво пишет В. О. Ключевский. Сам Пётр придавал долгожданной виктории элемент чудесного, рассматривая её как Божью помощь, о чём сказано в «Истории швейцарской войны»: «И тако милостию Всевышшаго совершенная виктория (которой подобно мало слыхано), с легким трудом и малою кровию против гордого неприятеля чрез его царского величества персональной, храброй и мудрой привод и храбрость начальных салдат одержена»⁴.

Легендарная виктория нашла отражение практически во всех видах искусства XVIII в. В области музыкально-песенного искусства это были многочисленные канты в честь Полтавской победы⁵. Визуальное искусство на полтавскую тему представлено как торжественными аллегорическими инсталляциями Петровской эпохи, так и живописными и мозаичными произведениями (среди которых, пожалуй, наибольшую известность приобрела мозаика М. В. Ломоносова «Полтавская баталия» 1764 г.⁶). Кроме того, триумф русского оружия отразился в медальерном искусстве эпохи⁷. Конечно, не могла обойти стороной столь знаменательное событие и литература.

Работы, посвящённые роли Полтавской победы в русской литературе, начали создаваться уже давно, однако по большей части были посвящены анализу отдельных произведений об этом историческом событии. Дореволюционными исследователями в основном затрагивались проповеди и (реже) поэтические панегирики Стефана Яворского и Феофана Прокоповича. О них как о проповедниках и панегиристах говорил ещё Ю. Ф. Самарин в известной диссертации 1844 г.⁸ (однако им не затрагивался вопрос о поэтическом и драматургическом наследии двух авторов). Немалая

³ Ключевский В. О. Курс русской истории // Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 52.

⁴ История Швейцарской войны... С. 162.

⁵ См. об этом: Музыка на Полтавскую победу / сост., публ., исслед. и комм. В. В. Протопопова. М., 1973.

⁶ См. об этом: Макаров В. К. Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л., 1950.

⁷ См., например: Гончарова И. Е. Медаль в память // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 1999. № 6. С. 331–333.

⁸ Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Сочинения Ю. Ф. Самарина: В 12 т. Т. 5. М., 1880.

заслуга в исследовании и описании торжественных слов о Полтавской победе принадлежит П. П. Пекарскому. Во втором томе «Науки и литературы в России при Петре Великом» исследователем обстоятельно описаны многие торжественные слова, о которых пойдёт речь в первой главе настоящей работы: «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича⁹ [далее — «Слово похвальное о... победе» — *А. Т.*] «Служба благодарственная Богу... о великой Богом дарованной победе... под Полтавою»¹⁰ [далее — «Служба благодарственная...» — *А. Т.*] Феофилакты Лопатинского, «Синаксар честь и славу Господа Бога Саваофа на великолепное прославление... Петра Алексеевича... о преславной победе, Его Царскаго Священнейшаго Величества Богом дарованной над прегордым Свейским Королем и над всем его воинством на генеральной баталии бывшей под Полтавою»¹¹ [далее — «Синаксар...» — *А. Т.*] Иоанна Максимовича и др. Публикацией и анализом художественных произведений Феофана Прокоповича, среди которых присутствуют и проповеди о Полтавской победе, занимались И. А. Чистович («Феофан Прокопович и его время» 1868 г.)¹² и П. О. Морозов («Феофан Прокопович как писатель» 1880 г.)¹³. Заметно меньше внимания было уделено творчеству Стефана Яворского. Среди дореволюционных работ по избранной теме нам удалось обнаружить лишь один разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 году»¹⁴. Впрочем, следует отметить, что слова и похвальные речи Стефана Яворского печатались во второй половине XIX века в «Трудах Киевской духовной академии», и среди них в 1874–1875 годах было напечатано несколько проповедей, посвящённых Полтавской победе.

Со второй половины XX в. по сегодняшний день ведётся значительная работа по составлению комментариев к собраниям сочинений многих

⁹ *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. Т. 2. СПб., 1862. С. 196–200.

¹⁰ Там же. С. 200–202.

¹¹ Там же. С. 232–233.

¹² *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.

¹³ *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб., 1880.

¹⁴ *Флеров А.* Разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 году» Стефана Яворского // Филологические записки. 1896. Вып. 3. С. 29–42.

авторов XVIII века. Это значительно упрощает работу с панегирическими текстами, посвящёнными Полтавской победе. В связи с этим стоит отметить значительный вклад В. В. Виноградова, А. И. Андреева и Г. П. Блока в работу над изданием восьмого тома собрания сочинений Ломоносова¹⁵. Кроме того, значительный вклад в комментаторскую работу произведений Ломоносова внёс А. А. Морозов¹⁶. Многие сочинения Феофана Прокоповича в 1961 году были изданы и прокомментированы И. П. Ереминым¹⁷. Следует отметить, что многие проповеди и панегирики первой трети XVIII в. были описаны (а некоторые и приведены в полном объёме) в издании «Панегирическая литература петровского времени» (1979 г.)¹⁸, подготовленном В. П. Гребенюком и О. А. Державиной. В 2009 году под редакцией и с комментариями Н. Ю. Алексеевой вышли сочинения В. К. Тредиаковского¹⁹. Академическое издание сочинений А. П. Сумарокова, к сожалению, до сих пор отсутствует (впрочем, стоит упомянуть, что работа над ним на данный момент ведётся в ИРЛИ (Пушкинский дом) РАН); наиболее полный комментарий к панегирическим произведениям поэта содержится в издании, подготовленном Рональдом Врооном²⁰.

Как мы можем видеть на основании вышеизложенного обзора, в научной литературе не раз упоминались произведения, посвящённые Полтавской победе. Тем не менее, комплексный анализ развития этой темы в художественной литературе до сих пор не был предпринят. Именно этим обосновывается актуальность настоящей работы.

Приступая к анализу, предварительно отметим, что, хотя нами привлекаются главным образом произведения, созданные в хронологических пределах XVIII века, во второй главе мы позволили себе несколько нарушить

¹⁵ Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи 1732–1764 гг. М.; Л., 1959.

¹⁶ Ломоносов М. В. Избранные произведения / вступ. статья, сост., прим. А. А. Морозова. Л., 1986.

¹⁷ Феофан Прокопович. Сочинения / под ред. И. П. Еремина. Л., 1961.

¹⁸ Панегирическая литература петровского времени / подг. В. П. Гребенюка; под ред. О. А. Державиной. М., 1979.

¹⁹ Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозой / подг. изд. Н. Ю. Алексеевой; отв. ред. С. И. Николаев. СПб., 2009.

²⁰ Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009.

хронологические пределы столетия и обратиться к нескольким сочинениям Г. Р. Державина и В. В. Капниста, созданным в первые десятилетия XIX века. Это представляется оправданным по двум причинам: прежде всего, в рамках настоящей работы мы придерживаемся понятия о «долгом» XVIII в., нижняя граница которого включает также 1810-е годы, так как часть созданных в этот период произведений имеет значительное число общих черт с произведениями предшествующего века; помимо этого в 1811 г. в Полтаве отмечалось столетие со дня великой победы, и, разумеется, эта знаменательная дата требует отдельного освещения в связи с избранной нами темой. Кроме того, заранее отметим, что, позиционируя середину и вторую половину XVIII в. как век торжества одического жанра над ораторской прозой, мы отдаём себе отчёт в том, что в этот период создавались блестящие образцы как светского (Ломоносов, Сумароков), так и духовного ораторского красноречия (митр. Платон Левшин и др.). Вероятно, в этих произведениях также имели место упоминания Полтавской победы. Тем не менее, во-первых, мы вынуждены были ограничить столь обширный материал для соблюдения формата магистерской выпускной квалификационной работы; во-вторых, основной задачей работы являлся не сбор исчерпывающего материала, а исследование способов изображения Полтавской победы и повествования о ней в диахроническом аспекте.

ГЛАВА 1. ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ О ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

1.1. Общие положения

В данной главе мы рассмотрим способы изображения Полтавской победы и повествования о ней в связи с общими особенностями поэтики жанров церковного панегирика и проповеди в произведениях духовных авторов первой трети XVIII в. В качестве основного материала были избраны пять похвальных слов: «Слово похвальное о... победе» (1709 г.) и «Слово похвальное о баталии Полтавской» (1717 г.) Феофана Прокоповича, «Рука Христова, Петру простираемая» (1709 г.), «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший» и «Слово на воспоминание торжественных викторий Полтавских» (1709 г.) Стефана Яворского. Внимание уделено главным образом этим двум авторам по ряду причин: во-первых, традиционно Стефан Яворский и Феофан Прокопович рассматриваются как два наиболее плодотворных проповедника своего времени (С. И. Николаев указывает, что Стефану Яворскому принадлежит порядка 320 проповедей, Феофану Прокоповичу — около 70²¹), они представляют собой два противоположных полюса культуры Петровской эпохи; во-вторых, именно у этих авторов нам удалось обнаружить панегирические произведения на полтавскую тему, написанные в разные периоды — непосредственно в 1709 г. и значительно позже. Также в качестве иллюстративного материала для отдельных тезисов были привлечены проповедь Гавриила Бужинского «Слово благодарственное Богу Триипостасному о полученной победе над Карлом, королем шведским, и войсками его под Полтавою» (1720 г.) и «Синаксар» (1710 г.) Иоанна Максимовича. Помимо этого отдельный интерес представляют тексты ритуального характера, входящие в литературный контекст произведений о Полтаве, в связи с чем отдельный параграф мы посвятили «Службе благодарственной о победе под Полтавой» (1709) Феофилакты Лопатинского.

²¹ Николаев С. И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996. С. 4–5.

В данный момент мы сконцентрируемся на ранних этапах развития темы: зарождении полтавской темы в панегирической литературе, её риторическом оформлении и последующем развитии в рамках жанра прозаического панегирика до 30-х годов XVIII века.

В среде западнорусских монахов-интеллектуалов летом 1709 г. весть о победе под Полтавой вызвала широкий резонанс. По мнению Джованни Брожди-Беркофф, это событие стало «поворотным моментом», с которого «высшая [западнорусская — прим. *А. Т.*] церковная иерархия полностью вошла в общероссийскую, или имперскую церковную жизнь» [пер. с англ. мой — *А. Т.*]²². За этим событием последовали многочисленные произведения, как прозаические, так и стихотворные, причём написанные на разных языках, включая церковнославянский, польский и латинский. Так, например, известно, что к триумфальному прибытию Петра после победы в Киев Феофаном Прокоповичем был создан и произнесён в Софийском соборе в присутствии государя торжественный панегирик²³ (судя по всему, имеется в виду «Слово похвальное о... победе»); вскоре после произнесения панегирик был напечатан в типографии Киево-Печерской лавры и дополнен героической поэмой «Епиникион», являющейся поэтической версией прозаического текста. На сегодняшний день известно два варианта «Слова похвального о... победе» (на церковнославянском и латинском языках) и три варианта «Епиникиона» (на церковнославянском, польском и латинском языках). Все редакции произведений были созданы непосредственно Феофаном Прокоповичем. С. И. Николаев указывает, что подобные случаи были нередки в Петровскую эпоху²⁴. Разноязычные версии произведений органично дополняют друг друга, находясь в пределах разных культурных парадигм²⁵.

²² Brogi Bercoff G. Poltava: A Turning Point in the History Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4. P. 221.

²³ Чистович И. А. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Николаев С. И. О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // Русская литература. 2015. № 2. С. 134.

²⁵ См. об этом: Трофимов А. Е. Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4. С. 335–353.

В рамках настоящей работы мы ограничимся материалом прозаических панегириков, посвящённых Полтавской победе. Мы рассмотрим наиболее репрезентативные из них с точки зрения структурно-художественных особенностей, а также эволюции этих особенностей в творчестве авторов, создавших произведения о Полтаве в разные периоды жизни.

1.2. Жанровые и сюжетные особенности прозаических панегириков Петровской эпохи в честь Полтавской победы

Стефану Яворскому принадлежит два панегирика 1709 г., посвящённых Полтавской победе. Первый — «Рука Христова, Петру простираемая, си есть, собственное пособие Петру Первому, Пресветлейшему Монарху всероссийскому во одолении неприятелей, похвальным словом всенародне за торжественную над шведами победу под Полтавою, в лето 1709 июня в 27 день восприятую, явленна тогож лета июля в 14 день в Москве по получении веселыя весте от Полтавы в соборном Успенском храме Пр. Стефаном митрополитом рязанским и муромским проповеданная», был произнесён в Москве после прибытия весте о славной виктории, очевидно, в отсутствие царя²⁶. Второй панегирик озаглавлен «Камень, идола Навуходносорова сокрушивший, то есть, Петр Первый Император всероссийский, шведскаго короля со всем воинством лета Господня 1709 года июня 27 преславно победивший» [далее — «Камень, идола Навуходносорова сокрушивший...» — *А. Т.*]. Этот панегирик был произнесён после победоносного вступления армии Петра в Москву²⁷. Уже при поверхностном взгляде на два эти панегирика бросается в глаза общность их поэтики: наиболее художественно выразительным фрагментом обоих произведений является детальное описание многосоставного статичного образа. В первом случае весь текст панегирика строится как описание руки Бога, ниспославшего чудесную победу Петру и его войску

²⁶ В. П. Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской духовной академии. 1874. Т. 3. С. 78.

²⁷ Там же.

в сражении с посягнувшим на Русскую землю врагом: «Десница Господня сотвори силу; десная Ти рука Господи сокруши врага <...> Рука всемогущаго Бога Нашего вся содержит, вся объемлет, вся осязает, но не всегда одинаково показуется земнородным»²⁸. Победа русского царя объясняется милостью Божьей: «А Петрови нашему, всероссийскому Монарху, како является рука Господня, не вопрошай како является; зри нашего <ду>ховнаго апостола Петра, емужде Христос простре руку Свою...»²⁹ Значительную часть похвального слова занимает аллегорическое описание руки Божьей, пять пальцев которой обозначают добродетели русского царя: «Первый перст, нарицаемый крепкий, знаменует крепость и силу неодоленную; скоро толко прострет нам Христос руку Свою, скоро толко коснет его перстом Своим крепким, аже он из немощнаго станется крепким...»³⁰ и т. д. 2-й, 3-й, 4-й и 5-й персты являются, соответственно, указанием пути к спасению, терпением, любовью и смирением.

Вторая проповедь 1709 года — «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший...» — тоже содержит аллегорическое описание — в этот раз неприятеля, изображённого языческим идолом-чудовищем. В основе аллегории лежит фрагмент из Книги пророка Даниила: «...я вам еще иное хочу показати чудо, явлю вам на сей проповеди ужасное некое страшилище, которое Навуходоносор царь вавилонский яко толко во сне узревши страхом и трепетом одержим бысть; читайте книгу о том Даниила пророка: явися Навуходоносорови идол некий ужасный, глава его от злата жива, руце и перси и мышцы сребрене, чрево и стегне медяны, голени железнии, часть последняя скуделна. <...> Разсуждая о сем так я себе думаю, что всевойнство неприятелское был то един идол Навуходоносоров, глава золотая то король

²⁸ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 128 об. (Рука Христова, Петру простираемая, си есть, собственное пособие Петру Первому, Пресветлейшему Монарху всероссийскому во одолении неприятелей, похвальным словом всенародне за торжественную над шведами победу под Полтавою, в лето 1709 июня в 27 день восприятую, явленна тогож лета июля в 14 день в Москве по получении веселья весте от Полтавы в соборном Успенском храме Пр. Стефаном митрополитом рязанским и муромским проповеданная).

²⁹ Там же. Л. 129 об.

³⁰ Там же.

шведский, руце и перси и мышце сребрене то министры, без которых ани без рук, чрево медяно то гавалерия, генерали, фельтмаршали, оберштери и различнии офицеры чревом медяным образуеми, вся якоже чрева истребляющи...»³¹ и т. д. Как и в предыдущем панегирике, здесь присутствует описание и аллегорическое истолкование частей большого целого, а именно — частей тела зверообразного идола: золотая глава — военное мастерство врага, серебряные конечности — сребролюбие и грабежи, медное чрево — вражеская мощь, ноги из железа — унаследованное от предков железное вооружение. Обратимся к следующему любопытному фрагменту — аллегорическому изображению торжества русского царя над противником: «Но како бысть поражение, како бысть падение онаго четыресоставнаго величайшаго кумира; сказует Писание Божественное там же; камень отторжеся от горы, не руками, и удари идола в ноzi железне, и сокрушися идол, и бысть яко прах»³². Заканчивается пространное торжественное слово превознесением Петра I и его деяний. Второе произведение Стефана Яворского видится более насыщенным библейскими цитатами и аллюзиями. Логично предположить, что оба отрывка, приведённых выше, прямо отсылают к Книге пророка Даниила, а именно — к сну Навуходоносора, в котором правителю является истукан: «Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер

³¹ *Стефан Яворский*. Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший, то есть, Петр Первый Император всероссийский, шведскаго короля со всем воинством лета Господня 1709 года июня 27 преславно победивший // Труды Киевской духовной академии. 1875. Т. 3. С. 464–465.

³² Там же. С. 473.

унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю». (Дан.: 2, 31–35). Заслуживает внимания также тематическая переключка именно с этим фрагментом из Библии: одна из главных тем Книги Даниила — победа над языческими царствами и утверждение Царства Божьего, что, конечно, напрямую перекликается с наделением Петра I божественным ореолом.

В целом, оба произведения Стефана Яворского имеют общие художественные особенности. Проповеди основываются на описании визуального статичного образа, составные части которого являются самостоятельными аллегориями. По словам А. А. Морозова, «аллегорические построения Яворского не создают целостного образа, а распадаются на множество отдельных уподоблений, продолжают и как бы иллюстрируют начальную метафору»³³. Произведением иной природы предстаёт проповедь младшего современника Стефана Яворского — Феофана Прокоповича. Его «Слово похвальное о... победе» было написано тоже сразу после Полтавской победы и произнесено Феофаном в Софийском соборе Киева в присутствии царя после победоносного въезда войска в город. В июле проповедь была издана в качестве отдельной брошюры в типографии Киево-Печерской лавры на церковнославянском языке. Вместе с ней в издание была помещена героическая поэма «Епиникион». Дадим описание некоторых композиционных особенностей проповеди.

В зачине панегирист приветствует царя-триумфатора: «Егда пресветлое пресветлаго величества твоего лице царскою честью и дивною неописанной победы красотою сияющее, в сем нашем, паче же твоём, жительстве (еже есть верх благополучия нашего) видети сподобляемся, пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монархо и преславный войск свейских победителю, кое иное дати тебе приветствие и что большее в дар гостинный имама в дар тебе?»³⁴ Далее панегирист апеллирует к топосу

³³ Морозов А. А. Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971. С. 39.

³⁴ Феофан Прокопович. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе // Феофан

самоумаления оратора и невозможности должным образом выразить восторг: «...радость не терпит в нас молчания, ею же возбуждаемый, аще бы имел бых тысящу устен и гортаней, ни единой бы воистинну не было возможности праздновати <...> Дело воистинну неслыханное, дело преславное, дело, его же изрещи не доволен есть всяк язык, всякая быстрота витийская!»³⁵ В этой цитате также бросается в глаза индивидуальный голос говорящего, выраженный в форме старославянского конъюнктива: «аще бы имел бых тысящу устен и гортаней» [курсив мой — *А. Т.*] Е. А. Погосян объясняет наличие индивидуального голоса тем фактом, что в прозаическом панегирике Феофана Прокоповича выступает выражение эмоций говорящего по поводу победы³⁶. Объясняется это явление генетическими особенностями панегирика Петровской эпохи и его родством с проповедью: задачей автора (оратора) было эмоциональное воздействие на публику, стремление вызвать у паствы чувство восторга по поводу чудесной победы³⁷. Эмоциональный фактор художественного эффекта проповеди объясняется также, как видится, её генетическим родством с эпидейктическим красноречием (на что указывал, в частности, С. С. Аверинцев³⁸), риторической задачей которого было создание определённого эмоционального состояния.

Зачин сменяется собственно рассказом об истории великой виктории. В рассказе присутствует описание зверств супостата: «Супостат воистинну таковий, от яковаго непобежденну токмо быти великая была бы слава <...> Таковое же о себе во народех ощущая мнение, безмерне кичитися и гордится и народи презирати навиче...»³⁹ Далее кратко рассказывается об истории Северной войны: «Явная бо того свдетельница есть десятилетняя сия брань, егда многия крепкия грады, неправедне от него удержанныя, отъяты ему суть и на многих местах полки его царственным оружием

Прокопович. Сочинения. Л., 1961. С. 23

³⁵ Там же.

³⁶ Погосян Е. А. «Да не молчаливи будем... Радость не терпит в нас молчания» (К семантике триумфа в петровскую эпоху) // Тартуские тетради. М., 2005. С. 55.

³⁷ Там же. С. 56.

³⁸ Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 249.

³⁹ Феофан Прокопович. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе. С. 24.

пораженны, изряднее же под Калишем <...> Такожде во Ингрии <...> Такоже под градцем, называемым Добрым, при реце Черной Напи...»⁴⁰ Упоминается предательство гетмана Мазепы: «Что же рещем, егда коварным наущением и тайным руководством от проклятаго зменника введен есть внутрь самую Малую Россию...»⁴¹ На протяжении всего произведения говорящий многократно сравнивает события истории Северной войны с историей Древней Греции и Древнего Рима: «Повествует славный стихотворец римский *Virgilius* <sic!>, яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трюю, неции от троянов, побивше шедшихся со собою некия воя греческия, броня их и щити на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху <...> Не тако ли творящиеся и во смущении сем зменническом?»⁴² Кроме того, подчёркивается явное моральное превосходство русского царя-триумфатора: «Что же рещи о твоём сердце, пресветлейший наш монархо, егда приять весть о нечаянном сем проклятаго и неблагодарнаго врага отступстве! Вемы, яко сердце твое не поколебается страхом, не унывает в злоключении, не боится военных громов»⁴³. В произведении упомянуты чудеса: помощь Бога Петру, в числе которых — история о простреленной шляпе: «Аще бо леть ныне о сем страшном твоём случаи любомудрствовати, мною, яко не инной ради вины попусти Господь видимой смерти приблизитися ко главе твоей, но не коснутися, разве дабы известно показал защищение свое, им же тебе и твое царство сохраняет»⁴⁴. В конце приведено описание триумфа войска Петра и позорное бегство неприятеля: «Устрашишася от гласа грома твоего, бежат от лица твоего ненавидящи тебе»⁴⁵. Оратор выражает восторг по поводу чудесного события: «...таковую се тебе Бог дарова победу, яковую слышаще вернии твои и царства твоего любители, истаевают от радости; слышаще

⁴⁰ Там же. С. 25.

⁴¹ Там же. С. 26.

⁴² Там же. С. 27.

⁴³ Там же. С. 27–28.

⁴⁴ Там же. С. 32.

⁴⁵ Там же. С. 35.

врази твои, исчезают от зависти; слышаще вси странныи роди, трепещут от страха и различными помыслы колеблются. И ныне нам приличествует возглашати: услыште сия, вси языци, внушите, вси живущие по вселенной! С нами Бог! Разумейте языци и покаряйтесь, яко с нами Бог!»⁴⁶ Феофан Прокопович завершает свою проповедь молитвой: «Укрепи, Боже, се, еже сотворил еси в нас»⁴⁷ и т. д.

Можно заметить, что значимое место в проповеди Феофана занимает повествование об истории и предыстории сражения. Автор упоминает события реальной истории и находит им античные и библейские аналогии. Также в произведении подчёркивается фигура оратора, который стремится воодушевить слушателей, передать им восторг по поводу великой виктории. Е. М. Матвеев подчёркивает, что прозаический панегирик обладает двойной природой: он уникален органичным сосуществованием устного и письменного начал⁴⁸. Динамизм при описании событий и эмоциональное напряжение выделяют «Слово похвальное о... победе» на фоне проповедей Стефана Яворского. Обобщая, можно отметить, что общей особенностью построения проповедей Стефана Яворского на полтавскую тему является эмблематичность (детальное описание статичной картинке с объяснением её аллегорических элементов, что, по мнению Вальтера Кролля, говорит о знакомстве Стефана Яворского с европейскими эмблематами⁴⁹) и, кроме того, отсутствие логических связей между частями произведения. По замечанию П. О. Морозова, логическая несвязность вообще типична для духовного красноречия Киева эпохи барокко⁵⁰. Добавим, что такое построение кажется уместным именовать парадигматическим — как поэтапное перечисление эквивалентных друг другу образов. Тем не менее, в основе проповеди Феофана обнаруживается развитая повествовательность,

⁴⁶ Там же. С. 36.

⁴⁷ Там же. С. 37.

⁴⁸ См.: Матвеев Е. М. Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009. С. 33–37.

⁴⁹ См.: Kroll W. Poeta laureatis Stefan Jaworski i emblematyka // Terminus. 2018. Т. 20. № 2. Р. 195–253.

⁵⁰ Морозов П. О. Указ. соч. С. 73.

динамизм, а фигура оратора, намного более яркая, если сравнивать с проповедями Стефана, предстаёт как своеобразный медиум между актуальным настоящим и произошедшим, между слушателями и событием.

Таким образом, в первые дни после победы разными проповедниками создавались произведения разного качества. Теперь, с целью выявить пути трансформации полтавской темы в торжественном красноречии, обратимся к позднейшим произведениям этих же двух авторов: «Слову на воспоминание торжественных викторий полтавских» Стефана Яворского (1716 г.) и «Слову похвальному о баталии полтавской» Феофана Прокоповича (1717 г.).

Магистральной темой произведения Стефана является милость Бога и любовь Его к людям. Оригинальное решение проповедник находит для логического сопряжения любви и войны: причиной торжества русских объявляется снизошедшая Божья милость: «Имать быти слово Мое днешнее изъявляющее яко милосердием Своим Бог побеждает нас, мы же побеждении Его любовию побеждаем враги наша»⁵¹. Интересна художественная рефлексия оратора начала XVIII века, которому сравнение любви и пламени кажется типичным: «Многие символисты любовь огню сравнивают и под пламенем любовь изъявляющий, сицевое надписание прилагают; не может утаиться, сии есть, состояние огня, яко нигдеже его утаить возможно, понеже сего ради и возжигается дабы видим человеки самому о сем свидетельствующу Спасителю нашему»⁵². В ходе проповеди Стефан Яворский часто апеллирует к Библии. К примеру, сюжет Исхода трактуется в соответствии с концепцией любви-огня: «...егда прииде время помиловати Израиля, избавити от прегорькия и несносныя работы Египетския, не иным коим образом милосердие Свое восхотел изъявити, токмо огнем, якоже свидетельствует Писание»⁵³. Большая часть панегирика

⁵¹ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 годы // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 187 об. (Слово на воспоминание торжественных викторий Полтавских).

⁵² Там же. Л. 187–188 об.

⁵³ Там же. Л. 188 об.

представляет собой пространные богословские размышления о любви Божьей. В качестве иллюстраций приводятся отсылки к ряду сюжетов из Ветхого Завета: «Многие на ты гонители восставаху фараони, но вси в суровстве своем погрязоша аки олово тяжко в воде зелне, утопоша в Чермном море крове своя, тыже всегда над врагами твоими торжественныя песни аки оная Мариам сестра Моисеова восклицаеши...»⁵⁴. Как видно, библейские сюжеты в данном случае не развёрнуты, а сконцентрированы вокруг главных антропонимов, топонимов или исторических реалий. Только в конце панегирика Стефана Яворского есть упоминания современных оратору исторических реалий: «Явственное сие всему миру и тебе призрение Божие, Егоже ныне торжественное милосердию Божию благодарение, еже бе в нынешняя времена еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом и руки наша осязаша, еже прежняя времена подобнаго ниже видеху когда, ниже слышахом явленную и тебе любовь Божию на преславной оной нам вожделенной врагомже странной и страшной победе и одолений, яже начатися в иных чуждых странах совершися в самом российском государстве при Полтаве...»⁵⁵. Сказать, чем завершается проповедь, трудно, так как в единственной доступной нам рукописи отсутствует последняя страница текста.

Иной природой обладает поздний панегирик на полтавскую тему Феофана Прокоповича «Слово похвальное о баталии Полтавской». В объективе внимания оратора в данном случае находится память о войне и торжестве русского войска. Оратор обращается к слушателям с призывом вспомнить великие события восьмилетней давности: «Достохвальное убо дело есть летняя сия, юже днесь совершаем, память победы Полтавския. Умолчим ли убо и не воспомянем ли, что виде сей день восемь лет назад на Полтавском поле? Да молчит и снедается в себе врагов наших зависть, нам не немолчно о сем восклицати подобает»⁵⁶. Привлекает внимание то, что,

⁵⁴ Там же. Л. 198 об.

⁵⁵ Там же. Л. 198–199 об.

⁵⁶ *Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской // Феофан Прокопович. Сочинения. Л.,*

спустя время, проповедь Феофана Прокоповича о победе вобрала черты историософского трактата о причинах Северной войны в целом. Несмотря на то что, как и в традиционных проповедях, в центре произведения находится тема грехов и добродетелей (в этом случае — зависти: «...к чему тебе самая правда путь показовала, к тому нуждею тебе привлекла неприятельская зависть, давно уже рожденна против тебе и до наших времен не только не умалена, но паче и паче умножившаяся»⁵⁷), развивая эту тему, оратор прослеживает историю зарождения шведской агрессии: «Густав великий король свейский с великим пререканием писал к Елисавете королеве аглинской за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оная неопасность, яко показующия нам силу оружную...»⁵⁸. В деяниях Петра I Феофан видит причину укрепления Российского государства: «Что ж тут скажем? От рода завистником было видети еще в России многия недостатки к силе совершенной. То не крайняя ли возъярися в них зависть, егда увидели все то, чего не желали, исполненно! Возрасте в совершенный возраст сила и слава российская дивным во всем и еще первым таковым своим монархом, богомвенчанным Петром»⁵⁹. Неотъемлемой частью панегириков Феофана, посвящённых Полтаве, является упоминание вероломства Мазепы: «А тут в первых и есть пред очи скверное лице, мерзкая машкора, струп и студ твой, Малая Россие, измена Мазепина. О врага нечаяннаго! О изверга матери своея! О Иуды новаго! Ниже бо да возмнит кто излишнее быти негодование Иудою нарицати изменника»⁶⁰. В завершение проповеди Феофан Прокопович представляет интересное рассуждение об историческом значении Полтавской битвы в истории Северной войны и её значимости для России: «Но множайшыя, кроме сих всех, издаде нам плоды поле Полтавское; Полтавская бо победа многих инных побед мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею

1961. С. 49.

⁵⁷ Там же. С. 50.

⁵⁸ Там же. С. 52.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 54.

Ливонию, Выборг и Кексгольм со всею Карелию, Абов с непобедимою (яко же словяшеся) Финиею, Ревель, к тому и Пернав, и Ельбинг, и Динамент, и Стетин, и Стральзунд, и инные крепости славные, аки сломленные, власти российской покорилися, и в малом времени толикое совершилося дело, которое многолетних и кровавых трудов требовало. Вем, что новые, кроме полтавских, труды zde были: однако оные от Полтавской виктории имели силу свою. Под Полтавою, о россиане, под Полтавою сеяно было все сие, что после благоволи нам Господь пожати»⁶¹.

Подытоживая, отметим, что с течением времени в творчестве двух проповедников так или иначе изменился способ изображения торжества русского оружия. Изменения в стиле Стефана Яворского очевидны: от яркой аллегории оратор переходит к абстрактной философской проповеди о Боге и человеке. Сравнивая три проповеди Стефана, мы наблюдаем изменение риторической стратегии — от эмблематического описания к «скупой» на образы проповеди, в которой присутствуют рассуждение и поучение. Справедливым в связи с этим представляется замечание Ю. Ф. Самарина об особенностях стиля Стефана Яворского: «Существенное свойство и вместе существенный недостаток проповедей Стефановых есть отвлеченность»⁶². По мнению Самарина, в творчестве Стефана Яворского отражена установка европейской схоластической риторики на отвлечённость, концентрация на умозрительных духовных основах бытия⁶³. Более всего это видно в проповеди 1716 года. Причём ранние произведения Стефана на полтавскую тему отличаются предельной образностью и аллегоризмом от стиля его поздних панегириков, лишь изредка снабжённых фрагментами из Священного Писания.

Частично изменяется и стиль Феофана Прокоповича. В начале главы мы показали более явное, по сравнению со Стефаном, наличие событийной составляющей. При сопоставлении проповедей 1709 и 1717 годов было

⁶¹ Там же. С. 58.

⁶² Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 356.

⁶³ См.: Там же. С. 345.

отмечено усиление внимания к историческим событиям как периода Северной войны, так и предшествующих эпох истории Швеции и России. При сопоставлении с проповедью 1709 года заметно, что рассказ о войне в более позднем тексте Феофана Прокоповича качественно перерождается в публицистическое сочинение о Северной войне. Публицистический элемент в проповедях Феофана Прокоповича неоднократно описывался исследователями; зачастую в нём видели признаки будущего русского Просвещения⁶⁴. Интерес к истории также, по мнению литературоведов, выделяет ораторское красноречие Феофана. Н. Д. Кочеткова, в частности, пишет, что при создании проповедей Феофан обращался к современным ему европейским трактатам, а не ограничивал материал античной и библейской историей, что было принято в традиции Киевской академии⁶⁵. Как представляется, это говорит не только о злободневности произведений оратора, но и об ощущении Феофаном исторического процесса.

Стоит при этом отметить, что, как было показано, риторическая стратегия Стефана Яворского со временем меняется намного сильнее, чем Феофана Прокоповича: от избыточного эмблемами барочного панегирика Стефан переходит к схоластическому богословскому рассуждению. Вызвано это может быть рядом факторов: упадком барочной риторики старого образца в середине Петровской эпохи, возросшим общественным влиянием Феофана Прокоповича — сторонника «сдержанного» стиля (декорума)⁶⁶, наконец, то обстоятельство, что Стефан Яворский в середине 1710-х годов был подвергнут царской опале⁶⁷ и др. Таким образом, на примере проповедей на полтавскую тему можно заметить,

⁶⁴ См., например: *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л., 1966. С. 43–46.

⁶⁵ *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 54–55.

⁶⁶ *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб., 2001. С. 177–188.

⁶⁷ *Николаев С. И.* Яворский Семен Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. СПб., 2010. С. 456–458.

что развитие художественного стиля Стефана Яворского — апологета старой риторической традиции⁶⁸ — выражено более ярко по сравнению с «новатором» Феофаном Прокоповичем.

1.3. Отношение к античности в прозаических панегириках Петровской эпохи на Полтавскую тему

Одной из особенностей культуры первой трети XVIII века, бросающейся в глаза при чтении «полтавских» панегириков, является активное использование образов античной истории и мифологии, а также их смешению с образами из Библии⁶⁹. В качестве примера эволюции текста о Полтаве в настоящем параграфе покажем, как меняется употребление античных образов и отношение к ним у авторов петровской эпохи в период с 1709 по 1720 год.

В исследованиях, посвящённых восприятию античности в России раннего Нового времени, неоднократно выдвигался тезис о стихийном перенимании античного наследия через западноевропейское посредство в Петровскую эпоху. Характеризуя подобный микс, прежде всего языковой, В. М. Живов использует понятие «петровский пул»: «Те элементы, которые ранее были распределены по разным письменным традициям (по разным регистрам письменного языка), теперь оказываются сваленными в одну кучу, которую я, в перспективе дальнейшего развития, предпочитаю называть “петровским пулом”»⁷⁰. Как видится, данный термин может быть использован не только в сугубо лингвистическом смысле, но и для описания культуры этой эпохи в целом. Кроме того, В. М. Живов и Б. А. Успенский выдвигают тезис о том, что основными проводниками античной культуры на раннем этапе Нового времени в России были представители духовного сословия, а именно — носители барочной культуры западнорусских земель:

⁶⁸ См., например: Морозов П. О. Указ. соч.; Самарин Ю. Ф. Указ. соч.; Кочеткова Н. Д. Указ. соч.

⁶⁹ О соотношении античных и библейских образов в панегириках Петровской эпохи см.: Трофимов А. Е. Употребление античных и библейских имён в «Слове похвальном о преславном над войсками шведскими победе» Феофана Прокоповича // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8. СПб., 2019. С. 7–18.

⁷⁰ Живов В. М. Литературный язык и язык литературы // Russian Literature. 2002. Vol. 52. Issues 1–3. P. 7.

«неограниченное употребление мифологических образов и свободное смешение христианских и мифологических элементов характеризует именно духовную культуру <...> Поскольку для барокко характерно смешение христианских и мифологических элементов, это смешение оказывается принятым в духовной культуре»⁷¹. Действительно, роль античных образов и сюжетов в произведениях авторов, сформировавшихся в среде русской церковной культуры, неоспорима, хотя и не бесспорна⁷². На раннем этапе своего творчества они смешивают античные образы с сюжетами и персонажами из библейской истории и мифологии, как, например, Феофан Прокопович при характеристике Петра I в цитированном выше «Слове похвальном о... победе»: «Не великий победитель Домитиан, о нем же повествуют, яко мухи убивати обыкл бяше; великий же — Самсон, иже льва растерза, великий, аще истинный, Иракий, иже многия неукротимыя зверы и змия седьмоглавнаго умертви»⁷³; Стефан Яворский в сочинении «Колесница торжественная» (1703 г.)⁷⁴ при описании годового цикла употребляет имя Марса: «Хвалю я сию звездочетцов мудрость, что время жатвенное львом изобразили, и по их разумению без льва жатва быти не может. А о Марсовой победительной что возглаголем жатве: о воистинну без льва Марсовой быти несть мощно! <...> Христос Спаситель наш различная даючи подобия царствию небесному, уподобил его зерну горчичному, у Матфея святого в главе 13. Подобно, рече, есть царствие небесное зерну горчичному, егоже взем человек всея на селе своем, еже малейшее есть всех семян, егда же возрасте, болший всех селий есть, и бывает древо, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его»⁷⁵.

В рамках настоящей работы стоит обратить внимание также

⁷¹ Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 485.

⁷² См. об этом: Буланин Д. Л. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.

⁷³ Феофан Прокопович. Слово похвальное о... победе. С. 24.

⁷⁴ В данном случае цитирование раннего произведения Стефана Яворского, не посвященного Полтавской победе, имеет исключительно иллюстративный характер.

⁷⁵ Стефан Яворский. Колесница торжественная // Проповеди блаженных памяти Стефана Яворского, митрополита Рязанскаго и Муромскаго: В 3 ч. Ч. 3. М., 1805. С. 15.

на следующий тезис Живова и Успенского. Исследователи считали, что в истории восприятия античности в России XVIII в. противопоставлялись авторы светские и духовные. В работе «Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII веков» приведены неоспоримые факты, доказывающие, что церковная среда, наследующая традиции восточнославянского барокко, сохраняла привязанность к античной культуре, в то время как среди светских писателей начала распространяться неприязнь к античности. Происходило это под влиянием эстетики классицизма, однако принимало вид отрицания язычества. Действительно, Тредиаковский в «Эпистоле от Российския поэзии к Аполлину» (1735 г.) чётко разграничивает греческий пантеон и христианскую веру, уточняя, что мир античных богов принадлежит в XVIII в. исключительно сфере поэтического вымысла: «Эпистолу мою пишет стихотворчество, или поэзия российская, к Аполлину, вымышленному богу стихотворства. Но чтоб кому имя сие не дало соблазна, того ради я объявляю, что чрез Аполлина должно здесь разуметь желание сердечное, которое я имею, чтоб и в России развелась наука стихотворная, чрез которую многие народы пришли в высокую славу. А в прочем все в ней как ни написано, то по-стихотворчески написано, что искусные люди довольно знают; и для того ревнующим нам по благочестию христианам нет тут никакого повода к соблазну»⁷⁶.

Вместе с тем анализ как последующих сочинений Феофана Прокоповича, так и панегириков других духовных авторов Петровской эпохи демонстрирует несколько иные результаты. Приведём несколько примечательных, на наш взгляд, отрывков из прозаических панегириков постполтавского периода: «Буди нам не в пример древний еллинских и римских и протчих славлюбивых людей обычай, которые великим иждивением сооружали столпы, и врата, иobeliski, и пирамиды, и иныя тропеи, или победоносныя знамения, еже бы в них оставити неумирающую

⁷⁶ Цит. по: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества... С. 490.

славных дел своих память последним веком. <...> Буди не в образец нам, яко христианом, и вышшей и не суетной небесной бо славе простирающимся, не в образец, не в приклад нам, глаголю, буди обычай язык славы истинныя не познавших»⁷⁷ («Слово похвальное о баталии Полтавской» Феофана Прокоповича, 1717 г.); «Не воспоминаем во утверждение сего слова мирских витий оных Цицеронов, Димосфенов, Овидиев, Virгилиев, разогнем книгу оную пророчеств, углем от <предела> славы Божия очищагося пророка Исаяи, его же красноречие премудрых его слов познавается...»⁷⁸ («Слово на воспоминание торжественныя виктории Полтавския» Стефана Яворского, 1716 г.); «...да хвалят инии богов своих жертвами и кадилы, мы же с великим учителем языков боговдохновенным Павлом апостолом восклицаем: Богу благодарение, давшему нам победу Господем нашим Иисус Христом!» («Слово благодарственное Богу Триипостасному...»⁷⁹ Гавриила Бужинского, 1719 г.).

Видно, что во всех трёх панегириках авторы выражают либо нескрываемое презрение к античности как миру язычества, либо лишь намекают на превосходство христианства над античным политеизмом. Для полноты картины приведём в таблице 1 некоторые статистические данные, в которых покажем, насколько часто анализируемые авторы обращаются к античным именам и сюжетам в разные годы и с какой оценочной коннотацией их представляют.

Оговорим, что в данной таблице для экономии места названия произведений заменены на имена авторов и годы написания текстов; положительная коннотация обозначена знаком (+), отрицательная — (-); случаи, когда коннотация образа нейтральна, не сопровождаются знаками; имена, употреблённые в одном семантическом ряду (как, например, «оных

⁷⁷ Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской. С. 49.

⁷⁸ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 годы // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 185 об. (Слово на воспоминание торжественныя виктории Полтавския).

⁷⁹ Гавриил Бужинский. Слово благодарственное Богу Триипостасному о полученной победе над Каролом королем шведским и войски его под Полтавою // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Юрьев, 1901. С. 322.

Цицеронов, Димосфенов, Овидиев, Вергилиев»⁸⁰) представлены в одной клетке.

Таблица 1.				
Стефан Яворский (1703)	Феофан Прокопович (1709)	Феофан Прокопович (1717)	Стефан Яворский (1716)	Гавриил Бужинский (1719)
Александр Македонский, Юлий Цезарь (+)	Домициан (-)	Фабриций и Пирр (-)	Цицерон, Демосфен, Овидий, Вергилий (-)	Гален (+)
Аммиан Марцеллин	Вергилий	Александр Македонский, Бесс, Набарзан и Дарий (-)	Симонид Кеосский, Гиерон Сиракузский	
Зевс (+)	Ганнибал (-)	Юлий Цезарь (-)		
Марс (+)	Сципион (+)			
Август (+)	Геракл (+)			
Геракл (+)	Марс (+)			

На основании приведённых в таблице данных видно, что в более поздних панегириках, во-первых, сокращается число упоминаний античных героев, во-вторых, их имена носят в основном отрицательный оттенок.

Так, к примеру, Феофан Прокопович, сравнивая неприятеля с Юлием Цезарем, наделяет последнего негативной коннотацией: «Неприятель наш начался одним своим замахом все дело совершити, начался силу российскую в малом времени испразднити, начался скоро величавое оное Иулия кесаря

⁸⁰ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 годы // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 185 об. (Слово на воспоминание торжественных виктории Полтавския).

воспети торжество: “приидох, видех, победих”»⁸¹; далее, говоря об измене Мазепы, автор панегирика находит негативные примеры предательства из истории Восточных походов Александра Македонского и Пирровой войны: «Слышал еси в историях, как Фабриций, вожд римский, поступил на войне с Пирром, царем Епиротским? Когда прибег к нему изменник от Пирра, обещаая, что может погубити государя своего, Фабриций его отослал к Пирру, за студ себе имея так побеждати неприятеля. Слышал ли еси о Александре Великом, как отвергл посольство Бесса и Набарзана, Дариевых изменников, которые ему Дария предати обещаали? Самих же, по том убивших государя своего, смерти предаде»⁸². Гавриил Бужинский упоминает древнегреческого врача Галена, который, согласно замыслу проповедника, осознал несовершенство античного язычества и обратился к монотеистической религии: «Что древний оный и преславный начальник врачей Гален, рассуждая предивно устроенную систему тела человеческого, с великим удивлением изрече: да хвалят инии богов своих жертвами и кадилы, аз же такового страннаго дела Творца восхваляю рассуждением и удивлением»⁸³. В другом панегирическом тексте на военную тему, который мы привлекли в качестве сопоставительного материала, Гавриил Бужинский также даёт отрицательную оценку античным богам: «Не наречем, еллинским последующе обикновения побед и торжеств отцем Марса или материю Беллону, ихже тамо именовашу неверствующии, мы простым именем, но истинным, якоже всякому известно, всех викторий и триумфов матер и вину правильную, праведную и законную бран или обще войну именовати обыкохом»⁸⁴. Стефан Яворский даёт низкую оценку античным ораторам по сравнению с христианским пророком Исаией: «Не воспоминаем во утверждение сего слова мирских витий оных Цицеронов, Димосфенов, Овидиев, Виргилиев, разогнем книгу оную пророчеств, углем от <предела>

⁸¹ *Феофан Прокопович*. Слово похвальное о баталии Полтавской. С. 54.

⁸² Там же. 57–58.

⁸³ *Гавриил Бужинский*. Слово благодарственное Богу Триипостасному... С. 322.

⁸⁴ *Гавриил Бужинский*. Слово о победе, полученной у Ангута // Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727). Юрьев, 1901. С. 338.

славы Божия очищагося пророка Исаяи, его же красноречие премудрых его слов познавается...»⁸⁵; также Стефан Яворский упоминает сюжет о том, как правитель Гиерон Сиракузский спрашивал философа Симонида Кеосского о Боге, на что античный мудрец не смог дать ответа: «Вопросил некогда Иерон король сикилийский преславнаго в тыя времена философа Симонида, свидетельствует Цицерон: что есть Бог, понеже толика дивная о Нем повествует; философ на разсуждение и ко удобнейшему ответу испросил себе един день глаголя: ответ дам после дня единого, прешедшу день едином паки вопрошен отвеца яко еще немогл познати, два дни паки испросил, после двох дней егда вопрошаше его Иерон, три дни испросил; тым прешедшим четыре дни, после оных пять...»⁸⁶.

Как можно заметить, все авторы начинают проводить более отчётливую идеологическую грань между античным язычеством и христианством и использовать античные имена и сюжеты для обозначения негативных явлений. Так, у Феофана Прокоповича имя Юлия Цезаря вспоминается в связи с рассуждением о военной дерзости Карла, а для характеристики темы предательства привлекаются античные сюжеты о восточных походах Александра Македонского и Пирровой войны. Стефан Яворский противопоставляет имена античных ораторов и поэтов пророку Исаие как не способных выразить христианскую истину. То же касается и образа Симонида Кеосского. Пожалуй, лишь в упоминании Гавриилом Бужинским медика Галена даётся положительная оценка античному учёному, однако, во-первых, это единственный случай обращения к античности в данном панегирике, во-вторых, сам образ Галена, как кажется, трактуется скорее в христианском ключе — как человека, сделавшего первый шаг на пути к познанию единого Творца; к тому же, в данном контексте критике подвергается античная религия. Причина, по которой авторы за десять лет явно изменяют своё отношение к античности, на данный момент нам

⁸⁵ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 годы // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 185 об. (Слово на воспоминание торжественных викторий Полтавских).

⁸⁶ Там же.

не вполне ясна и требует дальнейшего исследования. Возможно, ослабление античного влияния на русскую культуру в целом и возникновение его негативной оценки в постполтавский период связано с ослаблением барочного начала. Вследствие этого в духовной среде, воспринявшей западную культуру, античности вновь придаётся языческий ореол. По замечаниям Г. С. Кнабе, в Петровскую эпоху русская культура чётко различала благородную переработанную античность современной Европы и языческую мифологию настоящего античного мира⁸⁷.

Можно усмотреть типологическое сходство этого феномена со спором «древних» и «новых», имевшем место во Франции во второй половине XVII века — в плане отказа от художественных идеалов античности в пользу национального искусства Нового времени⁸⁸. Феофан Прокопович, например, считает нынешнюю ситуацию в России более значимой, а победу Петра — более героической, чем те, о которых повествуют античные авторы, в связи с чем вводит обилие имён и сюжетов истории Северной войны. Хотя говорить о какой-либо связи спора «древних» и «новых» с формированием эстетического вкуса западнорусских авторов начала XVIII века не представляется возможным, Живов и Успенский усматривают влияние французского классицизма на светских авторов России XVIII в.⁸⁹ Как было показано выше, взгляды духовных авторов той эпохи на античное наследие не были статичными и также менялись с течением времени. По-видимому, выводы Живова и Успенского относительно чёткого разделения духовных и светских авторов XVIII в. по принципу отношения к античности нуждаются если не в корректировке, то в ряде оговорок.

1.4. Полтавская панегирическая топика в прозаическом панегирике первой трети XVIII века

Обратимся к ряду общих мест (образов, тем), характерных для русского

⁸⁷ Кнабе Г. С. Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М., 2000. С. 102–103.

⁸⁸ См., например: Бахмутский В. Я. На рубеже двух веков // Спор о древних и новых. М., 1985. С. 7–40.

⁸⁹ См.: Живов В. М., Успенский Б. А. Метаморфозы античного язычества...

прозаического панегирика первой трети XVIII века. Большинство русских панегириков о войне XVIII века создано людьми, не имевшими непосредственного опыта участия в военных действиях и, следовательно, заимствовавшими военную образность исключительно из литературных либо публицистических источников⁹⁰. В связи с этим, как представляется, панегирики, посвящённые военным победам можно рассматривать исключительно в качестве переплетения расхожих литературных формул.

Одним из наиболее частых общих мест полтавских панегириков является библейская отсылка к сюжету об исходе евреев из Египта под предводительством Моисея: «Обретается преславное благодарения знамение в Священном Писании, Моисей оный великий во пророцех, иже прошед со всем Израилем море Чермное, врага же своего со всевоинством узрев потопляема, торжественную воспеваше песнь Богу, сотворшему дивная чудеса в море Чермном, также первейший в воспоминание своего избавления установи праздник Пасху повсегодно торжествовати; второй Моисей благочестивейший Монарх, аки от горкия работы, от всегдашнаго поношения свободивый христианскаго Израиля люды Российския и гордаго победивый Свейскаго фараона, коль богоугодне и по сердцу Божию сий день благодарственный от рода в роды в воспоминание явленнаго благоденствия Божия узакони быти»⁹¹ (Гавриил Бужинский, 1719 г.); «Многии на тя гонители восставаху фараони, но вси в суровстве своем погрязоша аки олово тяжко в воде зелне, утопоша в Чермном море крове своя»⁹² (Стефан Яворский, 1716 г.).

По наблюдениям М. Ю. Люстрова, привлечение сюжета о гибели войск фараона в Красном море — и, следовательно, отождествление своего народа с народом Израиля — является общим местом для мировой литературы и встречается, в частности, в шведском панегирическом победословии для

⁹⁰ Клейн И. Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века // Slověne. 2018. № 1. С. 177–178.

⁹¹ Гавриил Бужинский. Слово благодарственное Богу Триипостасному... С. 324.

⁹² Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 годы // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. Л. 187 об. (Слово на воспоминание торжественных викторий Полтавския).

описания битвы под Нарвой 19 ноября 1700 г.⁹³ Примечательно при этом, что Карл XII, в отличие от своего противника, не отождествляется шведскими панегиристами с Моисеем⁹⁴. На приведённом выше материале мы видим, что не всегда образы фараона и Моисея складываются в единый сюжет, и это позволяет говорить о более позднем сравнении Петра I с Моисеем.

Стоит проследить и другие способы представления Петра в рамках жанра полтавского торжественного панегирика. В панегириках Феофана Прокоповича русский царь часто сравнивается одновременно с античным Гераклом и библейским Самсоном⁹⁵: «Не великий победитель Домитиан о нем же повествуют, яко мух убивати обыкл бяше; великий же — Самсон, иже льва растерза, великий, аще истинный, Иракий иже многия неукротимыя зверы и змия седьмоглавнаго умертви»⁹⁶. Это даёт возможность рассмотреть данный образ как бы с нескольких точек зрения разных культур. Любопытная характеристика Петра имеется в слове Гавриила Бужинского: «Должни же паки благодарити величество и престол его, яко во время сицеваго зелнаго и смутнаго волнения, во время толиких трудностей и смятения кораблю государства Российскаго дарова сицеваго благоразумнаго и великодушнаго кормчия и правителя, Благочестивейшаго Монарха и Императора Петра Перваго...»⁹⁷ Образ корабля-государства, достаточно популярный в европейской литературе со времён Платона, в пяти рассматриваемых произведениях встречается только у Гавриила Бужинского. Одно из объяснений этому может быть следующим. В 1718 г. (за год до создания панегирика) Пётр I назначает Гавриила обер-иеромонахом российского флота, вследствие чего Гавриил Бужинский начинает часто участвовать в морских походах.

⁹³ Люстров М. Ю. Война и культура: Русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М., 2012. С. 36.

⁹⁴ Там же. С. 38.

⁹⁵ Говоря о сравнении Петра с Самсоном, следует упомянуть, что волей случая дата Полтавской победы пришлась на День Святого Самсония Странноприимца, римского и константинопольского священника IV в. Это дало панегиристам дополнительное основание для включения имени Самсона в ряд библейских аналогий для Петра по принципу соименности.

⁹⁶ Феофан Прокопович. Слово похвальное о... победе. С. 24.

⁹⁷ Гавриил Бужинский. Слово благодарственное Богу Триипостасному... С. 335.

Неизменным элементом произведений на полтавскую тему является описание дерзости и гордыни неприятеля: «Супостат воистинну таковой, от яковаго непобежденну токмо быти великая была бы слава, — что ж таковаго победити, и победити тако преславно и тако совершенно! Между инными бо народы немецкими он яко сильнейший воин славится и доселе прочим всем бяше страшен. Таковое же о себе во народех ощущая мнение, безмерне кичится и гордится и народи презирати навиче: одинаго себе помышляти быти непобедима, и уязвится не могуща, и аки бы от твердой руды составленна»⁹⁸ (Феофан Прокопович «Слово похвальное о... победе»). Интересно, что, по замечанию М. Ю. Люстрова, до Полтавской победы русские авторы на ранних этапах Северной войны не приписывали шведам гордыни, и именно Полтавская победа стала отправной точкой для этого постоянного мотива⁹⁹.

Пожалуй, самым частым образом в произведениях о Полтавской победе можно назвать аллегорический образ льва. Эта аллегория имеет эмблематическое (точнее — геральдическое) происхождение и обозначает, соответственно, Швецию. По замечанию М. П. Одесского, популярность геральдических образов шведского льва и российского орла в России при Петре I была обусловлена тем, что эти фигуры входили в ряд библейских метафор, упоминались в древнерусских bestiариях, одновременно имея связь с традицией античности¹⁰⁰. Примечательно, что в русском церковном и политическом дискурсе первой трети XVIII в. образ льва зачастую имеет демонические — драконоподобные, змееподобные — черты, приобретая сходство с химерой: «Восхищающий лютостне змий Свейский в львовым лицу являющийся»¹⁰¹. Неоднократно образу льва сопутствует образ ехидны:

⁹⁸ Феофан Прокопович. Слово похвальное о... победе. С. 24.

⁹⁹ Люстров М. Ю. Указ. соч. С. 75–76.

¹⁰⁰ Одесский М. П. Очерки исторической поэтики русской драмы. Эпоха Петра I. М., 1999. С. 142.

¹⁰¹ Иоанн Максимович. Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на великолепное прославление... Петра Алексеевича... о преславной победе, Его Царского Священнейшаго Величества Богом дарованной над прегордым Свейским Королем и над всем его воинством на генеральной баталии бывшей под Полтавою. Чернигов, 1710. Л. 14 об.

«Сие ехид<н>ино порождение страх земля изъявился бе»¹⁰². По наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, в произведениях Древней Руси образы ехидны и аспида сопряжены с понятиями жестокости и злобы¹⁰³. Возможна также химеризация льва при помощи наделения его частями тела других животных: «Дерзновенный лев свейский не естественным, но от от Тайн Божественных зрится виденным прообразуемый подобен рыси, емуже нози яко медведи, но уста его яко уста львова...»¹⁰⁴.

Наконец, практически во всех рассмотренных произведениях имеют место многочисленные уподобления трёх основных персонажей сюжета — Петра, Карла и Мазепы — героям мировой истории, Библии и античной мифологии. Набор аналогий для характеристики Мазепы и Карла достаточно ограничен (Мазепа чаще представлен под именем Иуды, а Карл — фараона, ассирийского полководца Олоферна). Образ предателя Мазепы чаще всего сопоставляется с библейским образом Иуды (иллюстративные цитаты из произведений Феофана Прокоповича приводились выше), что одновременно дискредитирует гетмана и превозносит Петра (имплицитно сравниваемого с Христом). Сюжет предательства Мазепы получил широкий общественный резонанс. В среде авторов-выходцев из западных областей России он стал поводом для создания многочисленных поэтических произведений, помимо упоминания в панегириках в честь собственно Полтавской победы¹⁰⁵. В то же время Петру сопутствует целый веер уподоблений. Российский царь представлен Самсоном, Гераклом, Моисеем, Константином и даже Иисусом Христом. Обращение одновременно к разным источникам образности создаёт эффект культурной многогранности текстов, за счёт чего возникает архетипический кросс-культурный образ богатыря-божества, побеждающего змея¹⁰⁶. На протяжении всего цикла уподоблений

¹⁰² Там же. Л. 4–4 об.

¹⁰³ Адрианова-Перетц В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л., 1947. С. 92.

¹⁰⁴ Иоанн Максимович. Указ. соч. Л. 4.

¹⁰⁵ См.: Щеглова С. А. Вірші про Мазепу, складені після його «зради» // Записки українського наукового товариства в Києві. 1927. Т. 21. С. 82–111.

¹⁰⁶ См., например: *Ivanov V., Toporov V. Le mythe indo-europeen du dieu de l'orage poursuivant le serpent: reconstruction de schema // Echanges et communications. Melangés offerts a C. Lévi-Strauss a l'occasion de son*

образ Петра углубляется и мифологизируется. Мифологизированный образ героя возникает путём напластования отдельных человеческих образов. «Совокупность героев — персонаж — тождественна совокупности мотивов, сюжету. <...> Пантеон богов, присутствующий в данном сюжете хотя бы в виде упоминания, является по отношению к сюжету литературным персонажем, с генезисом, природой и законами его героев. Представление, породившее данный персонаж с его мотивацией, является общим и для богов того же цикла представлений»¹⁰⁷, — пишет О. М. Фрейденберг. Представляется, что описанное исследовательницей явление применимо и для мифологизированного образа Петра в панегириках о Полтавской победе. При помощи развёрнутой амплификации образов царь предстаёт многомерным персонажем, сложенным из разных мифологических традиций.

В дополнение к вышесказанному стоит упомянуть одну черту, свойственную проповедям о Полтавской победе, насколько мы можем судить, исключительно Феофана Прокоповича, но важную для понимания последующей традиции изображения этого исторического события. Речь идёт об описании хода битвы, которое привлекает внимание обилием речевых формул, типичных для древнерусских воинских повестей: «Егда бо от нестерпимаго громогласия стенаше земля, егда окрестныя страны страхом движахуся, егда шумяху лесы прогоняемым от огня и грома воздухом и на арматныя рикания страшным криком отвещеваху горы, и закри лице солнцу дым, с прахом смешенный, единому токмо оставльшу свету, его же оружныя огне издаяху...»¹⁰⁸. Уже в этом отрывке можно найти как минимум три фразеологических единицы, выделенные в своё время А. С. Орловым в корпусе воинских повестей Древней Руси¹⁰⁹: «Блещашеся оружие, яко молния в день дождя» (Кул. битва)¹¹⁰, «...и от дыму их стояла над нами туча

60eme anniversaire. T. 2. The Hague; Paris, 1970. P. 1180–1206.

¹⁰⁷ Там же. С. 225.

¹⁰⁸ *Феофан Прокопович. Слово похвальное о... победе.* С. 30.

¹⁰⁹ *Орлов А. С. Об особенностях формы русских воински повестей.* М., 1902.

¹¹⁰ Цит. по: Там же. С. 13.

темная» (Азов. осад. Сид.)¹¹¹, «...и бысть яко гром от копейнаго сломления» (Повед. о поб. в. к. Дм. Ив.)¹¹². Мысль о близости творчества Феофана Прокоповича к жанрам литературы Древней Руси высказывалась неоднократно. Г. Н. Моисеевой принадлежит попытка обнаружения речевых формул воинских повестей в творчестве этого автора¹¹³.

Таковы некоторые общие места, наиболее часто встречающиеся в «полтавских» произведениях раннего XVIII в. В рамках настоящей работы наши задачи не включают подробную каталогизацию и анализ всех образов и мотивов, общих для рассматриваемых произведений, так как это в любом случае потребовало бы значительного расширения литературного материала и выхода за пределы полтавской тематики.

1.5. Церковная служба в честь Полтавской победы

Феофилакта Лопатинского

Помимо ораторской прозы значимыми произведениями словесной культуры в начале XVIII в. оставались тексты церковных служб. Одной из таких служб является «Служба благодарственная Богу, в Троице Святой славивому, о великой Богом дарованной победе над свейским королем вторым надесять и воинством его содеянной под Полтавою в лето от воплощения Господня» профессора Славяно-греко-латинской академии Феофилакта Лопатинского (1709 г.). Полтавская победа виделась событием столь значимым, что составление службы было поручено Феофилаксу непосредственно Петром I. Трудно сказать, предшествовала ли хронологически эта служба проанализированным выше панегирикам 1709 г. и насколько сильно повлияла она на творчество Феофана Прокоповича, Стефана Яворского и др. Вероятно, встречающиеся в тексте службы образы, о которых пойдёт речь далее, являются скорее «общими местами» литературы Петровской эпохи, в связи с чем мы не берёмся утверждать

¹¹¹ Цит. по: Там же.

¹¹² Цит. по: Там же.

¹¹³ См.: Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 186–191.

наличие каких-либо генетических связей между текстами.

В отличие от проанализированных ранее панегириков, служба Феофилакта Лопатинского представляла собой «живой» текст. Сам характер церковной службы предполагал её многократное устное произнесение во время богослужений, внедрение в качестве элемента церковной традиции и, соответственно, чтение в церкви в присутствии многочисленной паствы. П. П. Пекарский упоминает, что служба Феофилакта Лопатинского дважды встречается в минеях — 1711 и 1717 годах.¹¹⁴ Это, в свою очередь, позволяет предположить, что полтавская служба Феофилакта Лопатинского могла иметь влияние на творчество русских писателей середины и второй половины XVIII в. О «живости» произведения говорит также тот факт, что текст службы дважды подвергался редактированию. И. Ф. Мартынов сообщает, что в 1724 г. из службы были убраны антишведские выпады и анафемация шведов, вследствие чего текст службы утратил присущий ему прежде явно ксенофобский характер¹¹⁵. Известно, что в редактировании текста участвовал сам Пётр, что отразилось на языковых и стилистических особенностях произведения. Третья редакция службы была выполнена в конце 30-х — начале 40-х гг. Арсением Мацеевичем. Отдельным изданием она была выпущена в 1740 г.¹¹⁶ Подробности редакторской правки в третьей версии «Службы...» Мартыновым не уточняются. И хотя после 1741 г. необходимость в полтавской службе отпала, «строки, написанные Феофилактом Лопатинским, ещё долго звучали июньскими вечерами с амвонов церквей»¹¹⁷, — пишет исследователь. В связи с этим сразу оговорим, что при разборе текста мы будем пользоваться его ранней редакцией. Используемый нами для работы рукописный сборник датируется 1753 г. и, по-видимому, поздним воспроизведением изначального авторского

¹¹⁴ Пекарский П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 200.

¹¹⁵ См.: Мартынов И. С. Три редакции «Службы благодарственной о великой победе под Полтавой» // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 139–148.

¹¹⁶ Пекарский П. П. Указ. соч. Т. 2. С. 202.

¹¹⁷ Там же. С. 147.

текста. Текст службы написан полууставом, с выделением названия произведения киноварью. Общий объём издания — II+34 листа. Шифр хранения в фондах РНБ — НСРК.Q.425.

Это произведение, как и прозаические панегирики, рассмотренные выше, изобилует типично «полтавской» образностью. В. Н. Матонин и Н. Н. Бедина выделяют в службе ряд характерных бинарных оппозиций, позволяющих представить образы благородного русского и демонического шведского войск: гордость — смирение, сила — малость, предательство — верность, самоуверенность — упование на милость Бога¹¹⁸. С одной стороны, эти оппозиции типичны для древнерусского литературного сознания, с другой — являются неотъемлемым элементом проанализированных в предыдущей главе панегириков о Полтавской победе. Напоминают о «полтавских» панегириках и устоявшиеся аллегории, в первую очередь — свейского льва. Этот аллегорический образ не единожды встречается в тексте службы Феофилакта Лопатинского, причём характерно, что чаще всего он упоминается в паре со злым змием: «Возвеселишася небеса, и вси живущии на них, падшу змию и ангелом Его, во брани с Михаилом. Возвеселися и ты земле, яко паде лев свейский, борющийся с нами»¹¹⁹. По мнению В. Н. Матониной и Н. Н. Бединой, источником этого парного образа является 90-й псалом: «На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу свою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия» (Пс. 90:12–13)¹²⁰.

Кроме того, весьма подробно в тексте службы развёрнут ветхозаветный сюжет Исхода. Интересно, что привлекается этот сюжет, помимо подчёркивания праведности русского народа (который сравнивается с евреями) и демонизации шведов, для описания хода битвы, чего

¹¹⁸ См.: Матонин В. Н., Бедина Н. Н. «Служба благодарственная о великой победе, содеянной под Полтавой»: исторические сюжеты и барочные литературные формы в традиционном богослужебном тексте // Идеи и идеалы. 2019. № 3–1. С. 180–193.

¹¹⁹ Феофилакт Лопатинский. Служба благодарственная на день Полтавской победы // ОР РГБ. Ф. 905. Оп. 2. Ед. хр. 425. Л. 10.

¹²⁰ Матонин В. Н., Бедина Н. Н. Указ. соч. С. 186.

не отмечалось в проповедях и панегириках (хотя сама битва также являлась частым компонентом «полтавского» произведения). В. Н. Матонин и Н. Н. Бедина отмечают, что, используя традиционную древнерусскую формулу «море крови», Феофилакт Лопатинский сопрягает её с библейским сюжетом о потоплении египетского войска в море при описании сражения¹²¹: «Иже бо древле сотрясе гордаго фараона всадники и тристаты, и вся воя его погрузи в Чермнем мори, сеии и ныне равнаго фараону гордостию и суровством, в Чермнем крови воев его потопи мори, сопротивнаго, мы же прешедше посреде кроваваго сего моря»¹²². Иносказательное изображение сражения позволяет автору, с одной стороны, свести описание исторического события к схематичности и уподобить его событиям Священной Истории, с другой — наполняет образ, по словам Матонина и Бединой, экзегезой: «...автор не создает развернутые батальные картины, а только указывает на наиболее значимые для него смысловые точки, то есть создает своего рода образы-схемы, контуры, заполняемые экзегетическим содержанием»¹²³.

Не менее значимо в данном тексте также уподобление реально-исторических персонажей героям библейской истории. Необычайно ярко представлен в этом произведении образ Карла XII. Стоит обратить внимание на уподобление шведского короля библейскому царю Навуходоносору: «Паде Навуходоносор, образ свой аки Божий почитати повелевающий; падоша sweи, образы святых поругающий»¹²⁴. Знаменательно также, что, далее, в тексте службы возникает сюжет о сне Навуходоносора, в котором отторгшийся от горы камень сокрушил ужасного идола: «Равно сонному видению Навуходоносорову, помышляше король свейский, и паде на него камень, и здание умышления его разсыпа, и все мечтание исчезе: благословен Бог Отец наших, сотворивый тако. Богородичен: Ты еси гора, от неяже отторжеса камень и разсыпа здание мечтания вражия, преблагословенная

¹²¹ Там же. С. 184.

¹²² Феофилакт Лопатинский. Указ. соч. Л. 3.

¹²³ Матонин В. Н., Бедина Н. Н. Указ. соч. С. 185.

¹²⁴ Феофилакт Лопатинский. Указ. соч. Л. 24.

Богородице Мария, Тебе убо по Бозе, яко падеся супостат наш благодарение возсылаем, воспевающе: благословен Бог Отец наших»¹²⁵. Этот же сюжет, как было показано в начале главы, встречается в проповеди Стефана Яворского «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший...», однако в более расширенном формате. По-видимому, данный сюжет становится общим местом в церковном дискурсе на полтавскую тему (так как легко позволяет прийти к соответствующей аллегорической интерпретации камня как Петра и идола как Швеции).

Также заслуживает внимания и разнообразие сравнений Петра с персонажами библейской истории. Прежде всего, Пётр уподобляется Моисею, что следует из упомянутого выше развёрнутого сюжета Исхода. Помимо этого, значимым видится сравнение Петра с царём Давидом (а Карла — соответственно, имплицитно с Голиафом): «Не ста нога на правоте супостата нашего, тем же и уязвлена правды стрелянием: нашегоже Царя якоже Давида нога ста на камени православнаго исповедания и истины. Тем же невредима пребысть вражиими стрелами, юже яко ныне неподвижему показал еси Господи, утверди и сохрани во век века непреткновенну»¹²⁶. Кроме того, значимым является неоднократное сравнение Петра I с апостолом Петром, ходившем по воде с Иисусом Христом с Божьей помощью: «Иже Петру на мори подаде руку, Сей и ныне во время ратного волнения, Государя нашего Петра ят за руку, и изведе его от печалей многих»¹²⁷. В контексте сравнения Петра-царя с Петром-апостолом закономерным кажется сравнение Карла XII с еретиком Симоном Волхвом (который наделяется гордыней — характерным признаком шведов в рассмотренных панегириках): «Тогоже Верховнейшаго молитвами, и Его Тезоименитаго трудами, свейский Симон мняйся от гордыни не по земли ходити, устрелен от хrome на постыдение своя гордости»¹²⁸. Кроме того,

¹²⁵ Там же. Л. 24–24 об.

¹²⁶ Там же. Л. 11.

¹²⁷ Там же. Л. 21.

¹²⁸ Там же. Л. 11.

Пётр и Карл сравниваются с римскими императорами Константином и Максенцием: «Светосиянен Креста образ на небеси видеи Царь Константин, Максентиа победи; симже знаменем и Царь наш свейсаго Максентиа низложив силу, Богу благодарение возсылает»¹²⁹. Очевидно, в этом фрагменте присутствует апелляция к Битве у Мульвийского моста 28 октября 312 г. н. э. между Константином и Максенцием, перед которой первому, согласно легенде, явилось Божье знамение в форме креста с надписью «In Hoc Signo Vincas». В многочисленных обращениях к Богородице Карл XII сравнивается с Олоферном: «Иудифе новаго Израиля, Богородительнице Марие, Ты еси похвала, и веселие и честь наша, Ты бо укрепила еси сердце наше на разорение новаго Олоферна»¹³⁰. Неотъемлемым элементом многих «полтавских» произведений является и характеристика Петра при помощи классического обращения к сюжету о Самсоне и льве, которое присутствует и в этом тексте: «В ноци коварством обьяша нас, яко лев готов на лов; Но предварили Господь, и <заклял> им, посла с небес Сампсона Своего и растерза челюсти львом»¹³¹. Наконец, как и в рассмотренных выше панегириках, в тексте службы Феофилакта Лопатинского Иван Мазепа часто сравнивается с Иудой: «...обретесе второй Иуда раб и льстец, обретесе сын погибельный, диавол нравом, а не человек, треклятый отступник Мазепа, иже оставив Христа Господня, Господа и Благодетеля своего прилепился к сопостату»¹³². В этом контексте прорисовывается четырёхкомпонентная оппозиция: так как Мазепа уподобляется Иуде, Пётр уподобляется Христу. В аспекте сакрализации монарха, уподоблении Петра Богу Б. А. Успенский и В. М. Живов видели значимую роль текстов о Полтавской победе: «Это сближение царя с Христом <...> со всей очевидностью выступает в текстах, посвященных Полтавской победе. Поскольку Петр именуется Христом, Мазепа называется

¹²⁹ Там же. Л. 17.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Л. 20.

¹³² Там же. Л. 13.

Иудой...»¹³³.

Подведём промежуточные итоги. Мы рассмотрели и проанализировали ряд сочинений духовных авторов первой трети XVIII в., посвящённые целиком Полтавской победе. В этих текстах был выделен ряд общих черт, позволяющий говорить об определённой художественной общности между всеми «полтавскими» произведениями — ораторской прозой Петровской эпохи и церковной службой, которая, как было показано, занимает значимое место в корпусе художественной литературы XVIII в.. Разумеется, некоторые индивидуальные черты обнаруживаются в творчестве всех рассмотренных авторов, однако связать все тексты помогает ряд устойчивых образов и мотивов, порождённых знаменательным историческим событием. Далее мы попытаемся проследить, как полтавская тема была представлена авторами позднейшей эпохи и какие способы её изображения были использованы в произведениях середины — второй половины XVIII века.

¹³³ Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // Успенский Б. А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1996. С. 240.

ГЛАВА 2. ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА В РУССКОЙ ПАНЕГИРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СЕРЕДИНЫ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА

Во второй трети XVIII в. полтавская тема в русской художественной словесности перестаёт быть одной из доминирующих. Вплоть до конца столетия нам, за исключением дебютной оды М. М. Хераскова, о которой будет сказано далее, почти не удалось обнаружить произведений, посвящённых непосредственно Полтавской победе. Причина этого кроется, по-видимому, в окказиональной природе многих «высоких» литературных жанров XVIII в.: уже с 20-х гг. актуальность Полтавской победы начала сходить на нет, в объективе внимания писателей новой эпохи были другие знаменательные исторические события. Тем не менее, тема Полтавской баталии, как будет видно далее, из литературы не ушла, о чём свидетельствуют частые упоминания о ней в поэзии середины и второй половины века. В данной главе, основываясь на ряде упоминаний о Полтавской победе, мы попытаемся выявить функции полтавской темы в русской литературе, а также характерные особенности обращения к этой теме.

В объективе нашего внимания будет главным образом жанр торжественной оды. Такой выбор обусловлен распространённым в науке мнением о преемственности торжественной оды по отношению к церковному панегирику (витийственное, ораторское начало в оде, роднящее её с панегириком, отмечал ещё Ю. Н. Тынянов¹³⁴) одновременно с вытеснением новым жанром старого. Н. Ю. Алексеева отмечает, что к 40-м годам ода стала едва ли не единственной панегирической формой в литературе¹³⁵. П. Е. Бухаркин пишет, что потребность в жанре иной природы, нежели торжественный панегирик, — жанра светского, говорящего о главенстве государства над всеми сферами жизни, в том числе и над церковью —

¹³⁴ См.: Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. В. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 227–252.

¹³⁵ Алексеева Н. Ю. Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 9.

возникла ещё при Петре, хотя не была удовлетворена в силу неотъемлемого духовного начала в проповедях: «Он [Пётр I — прим. А. Т.] и Церковь <...> желал подчинить государственной пользе. Но в церковном панегирике выразить этот идейный комплекс не удалось — несмотря на колоссальное литературное дарование Феофана, — да и не могло удаться: для этого требовался новый жанр, который в первой трети XVIII века лишь нащупывался, — жанр торжественной оды. В церковном же слове старая форма, насыщенная памятью жанра, не давала государственной идее стать семантической доминантой текста»¹³⁶. В общих чертах напомним основные сходства двух жанров. Как к торжественной оде, так и к панегирику применимо понятие «окказиональная литература». Оба они в основной своей массе были посвящены знаменательному государственному событию: военной победе, рождению или браку членов монаршей семьи, строительству грандиозного сооружения и т. д. При этом примечательно, что частой особенностью оды и панегирика было риторическое апеллирование к миру идеального: привлечение многочисленных аналогий из истории и мифологии, главным образом античности и Библии, призвано было показать воплощение в конкретном земном торжестве явлений высшего порядка, мира идей¹³⁷. Другой особенностью является то, что в центре оды — как жанра лирического — стоит фигура говорящего субъекта, выражающего свои эмоции (преимущественно восторг¹³⁸) по поводу общественного торжества. В терминологии Е. А. Погосян это явление может быть названо политической эмоцией, обладающей двумя особенностями — выражения чувства народа (а не лично говорящего субъекта) и ритуализированности этого чувства в контексте официальной придворной культуры¹³⁹. Фигура говорящего субъекта, которая будет продемонстрирована ниже на примере

¹³⁶ Бухаркин П. Е. Торжественное красноречие петровской эпохи: барочное слово между Церковью и Империей // *Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб., 2010. С. 30.

¹³⁷ См., например: Михайлов А. В. *Методы и стили литературы*. М., 2008.

¹³⁸ *Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века*. Л., 1927. С. 17–18.

¹³⁹ См.: Погосян Е. А. Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту, 1997. С. 21–22.

од Ломоносова, имеет своим прототипом фигуру реального говорящего — церковного проповедника, произносившего панегирик или проповедь перед паствой. Наконец, социальные функции оды и прозаического панегирика отчасти совпадали. Об общности прозаического панегирика и оды упоминает Л. И. Сазонова, говоря о преемственности Ломоносова по отношению к традиции XVII в.: «Оды Ломоносова и предшествующая им панегирическая литература имели четкую политическую ориентацию. <...> Характерной идеологической чертой панегирика и оды являлся оптимизм мировосприятия их авторов. Эти жанры выдвинули на одно из первых мест патриотическую тематику, в них прививались понятия гражданского долга и общего блага нации. Панегирик и ода оказались именно такими жанрами, в которых поэт получил возможность влиять на формирование общественного мнения в принципиально важных для прогресса страны вопросах. Те социальные и культурные условия, в которых функционировали панегирик и ода в России, существенно повлияли на статус этих жанров, повысив их идеологическую значимость»¹⁴⁰. О связи прозаического панегирика и стихотворной оды писали также С. И. Панов и А. М. Ранчин: исследователи выделяют среди общих черт двух жанров панегирическое восхваление, установку на произнесение, образ «парящего» субъекта речи, обращение к слушателям.¹⁴¹

В стихотворных панегирических текстах середины и второй половины XVIII в. (собственно, елизаветинской и екатерининской эпох) сюжет Полтавской победы, как будет показано в настоящей главе, встречается преимущественно в качестве компонента основной темы — темы Петра I. Актуальность петровской темы в середине века была очевидна. Прежде всего, кровное родство с первым императором, по сути, наделяло легитимностью революционный приход к власти Елизаветы Петровны,

¹⁴⁰ Сазонова Л. И. От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 104.

¹⁴¹ См.: Панов С. И., Ранчин А. М. Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // Ломоносов и русская литература. М., 1987. С. 175–189.

политическая риторика которой сводилась к продолжению политической линии великого отца. Кроме того, со стороны одописцев образ Петра часто выступал в роли образца политических добродетелей для нового императора, что наблюдалось как в царствование Елизаветы, так и в первые годы правления Екатерины II.

При рассмотрении конкретных панегирических произведений того периода очевидна следующая тенденция. Можно сказать, что обращение к теме Петра как великого правителя прошлого становится неким общим местом в одической культуре XVIII в., элементом своеобразного одического этикета. За упоминанием имени великого императора следует перечисление его основных добродетелей; чаще всего таковыми выступают создание флота, развитие наук, строительство новой столицы и военные победы — те аспекты, которые выгодно было освещать при конструировании образа идеального монарха. Т. Е. Абрамзон, говоря о мифологизации образа Петра I в русской оде XVIII в., называет такое явление принципом избирательности: «Из всей поистине многообразной деятельности Петра I поэт выделяет лишь отдельные стороны, оставляя без внимания другие»¹⁴². Обращаясь к теме военных побед Петра, поэты-панегиристы чаще всего затрагивали тему Полтавы как величайшего триумфа России времён Северной войны. Таким образом, не будучи главной темой, Полтавская победа оставалась общим местом в структуре торжественной оды середины XVIII в.

Первой стихотворной одой 40-х годов, в которой упомянута Полтавская победа, является ода М. В. Ломоносова «Первые трофеи Его Величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийского, чрез преславную над шведами победу августа 23 дня 1741 года в Финляндии поставленные и в высокий день тезоименитства Его Императорского Величества августа 23 дня 1741 года в торжественной оде изображенные от всеподданнейшего раба Михайла Ломоносова». (Кроме того, ода была

¹⁴² Абрамзон Т. Е. Миф о Петре I в поэзии М. В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16–2. С. 233–234.

«первым выступлением Ломоносова в печати, подписанная его полным именем»¹⁴³). Произведение является органичной составляющей одического наследия Ломоносова, поскольку, как и в большинстве остальных торжественных од, она так или иначе посвящена теме России¹⁴⁴. Ода посвящена победе под Вильманстрандом 23 августа 1741 года в ходе русско-шведской войны 1741–1743 гг., которую номинально одержал венценосный младенец Иоанн Антонович¹⁴⁵. Ода ознаменовала собой двойное торжество, так как, по замечанию П. И. Хотеева, Ломоносов создал её в предельно краткие сроки между победой и тезоименитством Иоанна Антоновича¹⁴⁶.

Отголоски полтавской темы можно увидеть уже в первой строфе оды:

Российских войск хвала растет,
Сердца продерзски страх трясет,
Младой Орел уж Льва терзает.
Преж нежель ждали, слышим вдруг
Победы знак, палящий звук.
Россия вновь трофей вздымает
В другой на финских раз полях.
Свой яд премерзку зависть травит.
В неволю тая храбрость славит,
В российских зрила что полках¹⁴⁷.

Поединок льва и орла — уже устоявшаяся к тому времени аллегория противоборства России и Швеции, имеющая геральдический источник. В предыдущей главе мы показали, что образ льва часто встречается в прозаических панегириках о Полтавской победе. Вероятно, именно они

¹⁴³ [Морозов А. А.] Примечания // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 500.

¹⁴⁴ См. об этом: Бухаркин П. Е. История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы). СПб., 2013. С. 462.

¹⁴⁵ [Морозов А. А.] Примечания. С. 500.

¹⁴⁶ Хотеев П. И. О редком издании оды Ломоносова 1741 года («Первые трофеи Его Величества Иоанна III...») // Хотеев П. И. Статьи разных лет о Ломоносове. СПб., 2019. С. 44.

¹⁴⁷ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 75.

послужили источником подобного образа. Примечательно, однако, что в аллегорическом плане аллегии льва и орла в данном эпизоде неравноценны: в то время как за львом закреплён образ всей страны, под орлом, согласно комментарию А. А. Морозова, имеется в виду конкретно Иоанн Антонович¹⁴⁸. Интересно трактуется мотив поединка льва и орла далее, в ходе развёртывании темы, при описании похода шведов и военных приготовлений Анны Леопольдовны:

Ведь вы почти уже в раю,
Коль близко наша к вам столица!
Но ближе тем парит Орлица,
Что правит свой полет ко Льву¹⁴⁹.

Интересно, что образ орла здесь откорректирован в связи с гендерной принадлежностью регента. На основании приведённых выше примеров видно, что, в целом, образ орла в одах Ломоносова символизирует не страну в целом, а определённого монарха.

Далее, в оде описываются историко-политические предпосылки войны 1741–1743 годов:

Оставив шум войны, Градив,
Изранен весь, избит, чуть жив,
К полночным с южных стран склонился,
Искал к покою гор, пещер,
У финских спать залег озер,
Тростник подстлав, травой покрылся;
«Теперь уж, — молвил, — я вздохну:
Изойдут язвы толь глубоки.
Бежите, брани прочь жестоки,

¹⁴⁸ [Морозов А. А.] Примечания. С. 500.

¹⁴⁹ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III. С. 76.

Ищите вам мою сестру».

Кровавы очи лишь сомкнул,
Внезапно тих к себе почул
Приход Венеры и Дианы,
Лилеи стали в раны класть,
Впустили в них лечебну масть,
Смешавши ту с водой Секваны:
«Ах, встань, прехраброй воин, встань,
О старой нашей вспомни дружбе,
Вступи к твоей некосно службе,
Внеси в Россию тяжку брань»¹⁵⁰.

Под именем Градива (синоним Марса) скрывается Карл XII, возвратившийся после турецкого побега в Швецию в 1715 году. В иносказательной форме автор оды повествует о том, как преемник Карла XII Фредерик I, подстрекаемый французскими дипломатами, решился на реванш против России. Мы видим, что, Ломоносову важен не просто факт исторического события, а исторические причинно-следственные связи, приведшие к нему. Подобная стратегия, как было показано в предыдущей главе, наблюдается в прозаических панегириках Феофана Прокоповича. Считать ли исторический детерминизм следствием влияния риторических стратегий Феофана на Ломоносова — вопрос неоднозначный.

Любопытным видится следующий фрагмент:

Вскочил, как яр из ложа лев,
Колеблет стран пределы рев.
Не так, на верьх высокой Эты
Поднявшись, брат его шумел,
Как яд внутри его кипел.

¹⁵⁰ Там же. С. 75–76.

Уж действия есть его приметы¹⁵¹.

Приведём комментарий А. А. Морозова по поводу названия «Эта»: «Эта — гора, на которой погиб Геракл, когда Деянира послала ему пропитанную ядом одежду. Ломоносов сравнивает с поступком Деяниры поведение Франции, толкавшей Швецию на гибель»¹⁵². Иначе говоря, в данном контексте под именем Геракла подразумевается Швеция. В контексте полтавской панегирической топики такой выбор для создания аллегии выглядит необычным, так как в произведениях на полтавскую тему образ Геракла традиционно ассоциировался с Петром. В данном случае Ломоносов обратился к иному мифологическому сюжету о Геракле. Как видно, с течением времени происходит некое расподобление аллегии-топоса: образ Геракла перестаёт быть прочно привязанным к Петру и даже может использоваться для изображения врага России.

Непосредственное же упоминание Полтавской победы появляется в следующей строфе (обращение к шведским войскам):

Не сам ли с вами есть Нимврод,
Собрался весь где ваш народ?
Что землю он прилежно роет?
Воздвигнуть хочет столп и град?
Рушить прямой природы ряд?
Ужасну в свете вещь откроет!
Все ждут, чего не знают ждать.
Да что ж увидим мы за диво?
Колено хочет то кичливо
Другу Полтаву тут создать¹⁵³.

Нимврод (Нимрод), как известно, библейский персонаж, чьё имя стало

¹⁵¹ Там же. С. 76.

¹⁵² [Морозов А. А.] Примечания. С. 500.

¹⁵³ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III. С. 77.

символом жестокости по отношению к людям и гордыни по отношению к Богу. Сравнивая этот фрагмент с произведениями на полтавскую тему, можно заметить, что библейский образ Нимрода в данном контексте может быть сопоставлен, как кажется, с упомянутым ранее образом фараона. Определяющими для сопоставления образов в данном случае можно назвать следующие факторы: гордыня, вероломство, искажение природы (натуры), преследование праведников (согласно ряду источников, Нимрод на протяжении долгого времени преследовал пророка Авраама).

Остановимся теперь — пока что бегло — на центральной для нашего анализа строчке «Другу Полтаву тут создать». Как видно, Ломоносов делает отсылку к Полтавской победе, как бы примеряя формат этого исторического события на новое военное столкновение со шведами. Что значит в данном контексте для Ломоносова Полтава? Для выяснения этого логичнее видится рассмотреть цельное выражение «друга Полтава». Словарь русского языка XVIII в. фиксирует три значения прилагательного «другой»: «Не этот, не данный» (иная Полтава), «следующий за первым, за предыдущим; второй» (хронологически вторая Полтава), «совершенно подобный, равный первому, настоящему»¹⁵⁴ (баталия, идентичная Полтавской). В принципе, в настоящем контексте кажется позволительным объединить второе и третье значение слова. Таким образом, образуется две возможных трактовки понятия «друга Полтава»: новая баталия, также являющаяся кровопролитным сражением между русскими и шведами, и битва иного характера, нежели предыдущая, — победу в которой одержать должны шведы. Для прояснения второго значения этого понятия следует вспомнить реваншистский настрой Швеции в этой войне.

По ходу анализа обратить внимание стоит также на такую особенность поэтики оды Ломоносова, как фигура говорящего субъекта и его позиция по отношению к слушателю:

¹⁵⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7. Древо — Залежь. СПб., 1992. С. 14–15.

Смотри, тяжка коль шведов страсть,
Коль им страшна российска власть¹⁵⁵.

Прямое обращение «смотри» к предполагаемому реципиенту, в целом, типично для одической поэтики XVIII в. Восходит оно, по-видимому, снова к историческому прообразу оды — церковному панегирику, а именно — к роли панегирика как публичной речи перед живыми слушателями.

Последним рудиментарным элементом церковного панегирика, который мы наблюдаем в анализируемом тексте, является заключительная строфа:

Прекрепкий боже, сильный царь,
Что всю рукою держишь тварь,
Зришь, что враги встают напрасно,
Жезлом карай их мести сам.
Подай всегда победы нам,
Твое что имя славим гласно.
Не хочут если брань пресечь,
Подай, чтоб так же в них вонзился
И новой кровью их багрился
Нагретый в ней Иоаннов меч¹⁵⁶.

Обращение к Богу в заключение оды явно выдаёт в ней след церковной молитвы — заключительного элемента церковной проповеди — и повторно демонстрирует причастность торжественной оды к этому жанру.

Таковы формальные особенности поэтики ломоносовской оды, позволяющие провести связь с рассмотренными в предыдущей главе произведениями раннего XVIII в. Как можно заметить, тематически Полтавская победа (пусть и упоминаемая лишь вскользь в качестве

¹⁵⁵ Ломоносов М. В. Первые трофеи Его Величества Иоанна III. С. 77.

¹⁵⁶ Там же. С. 81.

исторической аналогии) остаётся прочно ассоциированной не с абстрактным демонизированным врагом, а именно со шведами. Можно сказать, что реваншистский характер войны 1741–1743 гг. как желание угасшей Швеции переиграть ход событий Северной войны отчасти обусловил наличие «полтавских» элементов в оде Ломоносова.

Схожую роль полтавская тема играет в следующей рассматриваемой нами оде Ломоносова — «Оде на прибытие Ее Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации». Несмотря на то что произведение посвящено восшествию на престол Елизаветы Петровны, тема русско-шведского противостояния в нём звучит отчётливо в связи с внешнеполитическими обстоятельствами дворцового переворота. С именем новой императрицы связано как окончание войны, так и тонкая дипломатическая стратегия выстраивания отношений со Швецией и другими странами Европы¹⁵⁷.

Не единожды в оде всплывает тема самого Петра и преемственности Елизаветы по отношению к нему:

Какой приятной зефир веет
И нову силу в чувства льет?
Какая красота яснее?
Что всех умы к себе влечет?
Мы славу дщери зрим Петровой,
Зарей торжеств светящу новой¹⁵⁸.

Стокгольм, глубоким сном покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь...¹⁵⁹

¹⁵⁷ Морозов А. А. [Примечания]. С. 501.

¹⁵⁸ Ломоносов М. В. Ода на прибытие Ее Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 85.

¹⁵⁹ Там же. С. 87.

На запад смотрит грозным оком
Сквозь дверь небесну дух Петров,
Во гневе сильном и жестоком
Преступных он мятет врагов¹⁶⁰.

Таким образом, полтавская тема, как будет видно в дальнейшем, является также частью исторического фонда, к которому апеллирует говорящий субъект для характеристики современных ему событий.

Гораздо реже в данном тексте встречается полтавская топица, выделенная ранее. Пожалуй, наиболее явным элементом является аллегорическое изображение шведского льва:

Орлы на тое не взирают,
Что львовы челюсти зияют¹⁶¹.

Всяк мнит, что равен он Алкиду
И что Немейским львом покрыт
Или ужасную эгиду
Нося, врагов своих страшит...¹⁶²

Твой слух пленил и тех людей,
Что странствуют среди зверей;
Что с лютыми пасутся львами,
За честь твою восстанут с нами¹⁶³.

Тем не менее, развитие в этой оде получает сюжет о Фазтоне, по гордыне своей ассоциирующимся с посягнувшими на Россию шведами. Подробнее образ Фазтона будет рассмотрен в главе 3.

Перейдём к последней оригинальной ломоносовской оде, в которой,

¹⁶⁰ Там же. С. 93.

¹⁶¹ Там же. С. 88.

¹⁶² Там же. С. 89.

¹⁶³ Там же. С. 92.

по нашим наблюдениям, встречается упоминание Полтавской победы, — к «Оде на день рождения Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския 1746 года». В этом произведении, в отличие от предыдущих, почти совсем не затрагивается военная тематика, так как посвящено оно величию и мудрости императрицы. Как и в предыдущей оде, к актуализации полтавской темы здесь приводят многочисленные упоминания Петра как отца Елисаветы:

В сей день, блаженная Россия,
Любезна небесам страна,
В сей день от высоты святыя
Елисавет тебе дана,
Воздвигнуть на Петра по смерти,
Гордыню сопостатов стерти
И в ужас оных привести...¹⁶⁴

Сквозь тучи бывшая печали,
Что лютый рок на нас навел,
Как горы о Петре рыдали
И понт в брегах своих ревел,
Сквозь страшны россам перемены,
Сквозь страх, войнами возмущенный,
Я вижу твой пресветлый час...¹⁶⁵

Но вяща радость восхищала
Взирающих и оживляла,
Когда даров твоих признак
Надежнее в лице открылся,
Что точно в нем изобразился

¹⁶⁴ Ломоносов М. В. Ода на день рождения Ее Величества государыни императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы всероссийския 1746 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 110.

¹⁶⁵ Там же. С. 111.

Родителей великих знак¹⁶⁶

О сладкой нежности обитель!

О вы, блаженные места,

Где храбрый готов победитель

Лобзал и в очи, и в уста

Впервые плод свой вожделенный...¹⁶⁷

Непосредственно Полтавской победе посвящены в оде следующие две строфы:

Как ясно солнце воссияло
Свой блеск впервые на тебя,
Уж счастье руку простирало,
Твои приятности любя,
Венец держало над главою
И возвышало пред тобою
Трофеи отческих побед,
Преславных чрез концы земныя.
Коль счастлива была Россия,
Когда возрела ты на свет!

Тогда от радостной Полтавы
Победы русской звук гремел,
Тогда не мог Петровой славы
Вместить вселенныя предел,
Тогда вандалы побеждены
Главы имели преклонены
Еще при пеленах твоих;

¹⁶⁶ Там же. С. 112.

¹⁶⁷ Там же. С. 113.

Тогда предъявлено судьбою,
Что с трепетом перед тобою
Падут полки потомков их¹⁶⁸.

Как видно, в этом эпизоде умело сопрягаются две темы — Полтавская победа и день рождения императрицы, поскольку Елизавета родилась в год Полтавской победы. Примечательна здесь и тема последующих побед над шведами в войне 1741–1742 гг. (фактически названных вместо готов вандалами), которая также освещает Елизавету в ракурсе преемницы Петра: «Падут полки потомков их». Фактически на этом, насколько мы можем судить, завершается развитие полтавской темы в одическом творчестве Ломоносова. Разумеется, так или иначе эта тема должна была занимать значимое место в незавершённой поэме «Пётр Великий», о чём справедливо писал А. Н. Соколов¹⁶⁹, однако в рамках настоящей работы мы будем исходить только из фактического написанного материала.

Необычайно важной тема Полтавской победы оказалась для раннего творчества М. М. Хераскова. Первое дошедшее до нас стихотворение поэта — «Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне Самодержице Всероссийской сочиненная на торжественное воспоминание победы Петра Великого над Шведами» 1751 г. — целиком посвящено Полтавской победе. В настоящей работе полный текст оды приведён нами в ПРИЛОЖЕНИИ¹⁷⁰, так как произведение труднодоступно. Структура оды в целом типична для данного жанра. Ярko заявляющая о себе фигура говорящего субъекта в начале произведения говорит о намерении восславить великую победу Петра (что, несомненно, роднит эту оду с панегириками начала века). Однако ода также содержит пространное повествование

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Соколов А. Н. Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М., 1955. С. 101.

¹⁷⁰ Печ. по изд.: Херасков М. М. Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне Самодержице Всероссийской сочиненная на торжественное воспоминание победы Петра Великого над Шведами. СПб., 1751.

о причинах и ходе этого исторического события. Рассмотрим характерный фрагмент:

Врагами Карл ожесточенный
До звезд возвысив славу дел,
С конца пространная вселенной
На север грозный взор возвел,
Россию зрит в странах прекрасну
И в тишине Петру подвластну,
Вспален безумством браней злых
Грозит попать народ спасенный,
Направив мысли возмущенны
Противу меры сил своих¹⁷¹.

Обращает на себя внимание, во-первых, изображение горделивой жестокости Карла, во-вторых, характерный топос тишины, ставший синонимом нерушимости имперской власти в России. Далее в оде описывается помощь Бога Петру при победе над шведами. Описание жестокости врага и Божья помощь Петру являются неотъемлемыми компонентами «полтавского» панегирика первой трети XVIII века. Примечательным для развития образа Петра видится следующая цитата:

Внезапный ужас сей предстали
Пред оных Росские полки,
Оружия красой блистали
Как влага чистыя реки;
Пред войском Петр одеян славой
Грядет с военною державой,
Как в день веселия на брак;

¹⁷¹ *Херасков М. М.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей державнейшей Великой Государыне Императрице Елисавете Петровне Самодержице Всероссийской сочиненная на торжественное воспоминание победы Петра Великого над Шведами. СПб., 1751. Л. 2.

Зевес ему свой гром вручает,
Он бурны вихри укрощает,
Являя силы Росской знак¹⁷².

Сравнение Петра с женихом, идущим на свадьбу, как представляется, отсылает к известному библейскому образу Жениха — Христа¹⁷³. Это первый шаг в рамках данной оды на пути к сакрализации образа императора, которая наиболее ярко реализуется в конце произведения. Вообще библейский подтекст чрезвычайно важен при описании исторического события в данной оде. Так, российских солдат фигура говорящего сравнивает с агнцами, которых стремится растерзать Карл:

В безмерной ярости стремится,
Как лютей Тигр на стадо злится
Невинных агнцов растерзать...¹⁷⁴

Описание же самого хода битвы также пронизано библейской образностью. Помимо традиционных речевых формул, описанных в предыдущей главе, одописцем используется образ настоящего апокалипсиса:

Угрюмы тучи набежали,
От коих свет померк лучей;
Поля и горы встрепетали,
И в ужасной преме сей
Натура власно превращалась,
И твердь в стихии разделялась
Явить странам кончину дней,
Где вихрь крутясь поля терзает,

¹⁷² Там же. Л. 3.

¹⁷³ См., например: «Но в полночь раздался крик: “вот, Жених идет, выходите навстречу Ему”» (Мф., 25:6).

¹⁷⁴ Херасков М. М. Указ. соч. Л. 3.

И с флотом волны воздвигает
До облак яростный борей¹⁷⁵.

В заключение, после описания победы Петра и торжества России, одописец неожиданно избирает в качестве сюжетного компонента смерть императора. Примечательным в данном случае видится буквальное вознесение Петра на небо:

Но вечность славы незабвенной
Дела вместила в небесах,
Парнас, весельем окруженной,
В пресветлых видел облаках
Петра на небесах грядуща,
Рукою ветвь с мечем несуща
Бессмертныя победы в знак;
С весельем музы провождали,
И светлы лики восприяли,
На небесах священный зрак¹⁷⁶.

Невооружённым глазом видно, что ода Хераскова содержит ряд агиографических элементов и фактически превращается в оду-житие Петра. Полтавская победа же в данном контексте интерпретируется как результат священной битвы праведного русского войска во главе с сакрализированным Петром и сил зла. Вероятно, столь яркая библейская образность свидетельствует о влиянии на оду М. М. Хераскова «полтавских» панегириков Петровской эпохи.

В одическом творчестве В. К. Тредиаковского сюжет Полтавской победы упоминается единожды — в оде «Похвала Ижерской земле и царствующьму граду Санктпетербургу» (1752 г.):

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же. Л. 6.

Где место ты [Нева — *А. Т.*] низвергнуть подала
Врагов своих блаженну Александру,
В трофей и лавр там лавра процвела;
Там почернил багряну ток Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата
К полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа¹⁷⁷.

Интересен данный пример тем, что прямым историческим прообразом Полтавской победы представлены победы Александра Невского. Культ святого Александра Невского получил распространение ещё при жизни Петра, поскольку первый российский император видел древнерусского князя своим предшественником в деле борьбы со шведами за побережье Балтийского моря¹⁷⁸. Известны многочисленные службы и похвальные слова святому Александру Невскому, созданные в годы правления Петра. Г. Н. Моисеева справедливо пишет: «С точки зрения просветительских идей XVIII века Петр I представлял собой идеальный образ русского царя, наследника и продолжателя деяний его предков. Эта мысль постоянно подчеркивалась современниками царя-преобразователя и, по-видимому, с его одобрения. В составленной Феофилактом Лопатинским и Гавриилом Бужинским “Службе святому Александру Невскому” успехи русского оружия в Северной войне авторы рассматривали как продолжение Петром I побед, одержанных на Неве в 1240 г. князем Александром Ярославичем, получившим прозвание Невский. На протяжении всего XVIII века темы героических деяний древнерусских исторических лиц постоянно переплетаются с художественным воссозданием деятельности Петра I, царя-

¹⁷⁷ Тредиаковский В. К. Ода IV. Похвала Ижерской земле и царствующему граду Санктпетербургу // Тредиаковский В. К. Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб., 2009. С. 163.

¹⁷⁸ См., например: Соколов Р. А. Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Т. 24. № 3. С. 18–24.

преобразователя, совершившего “великий метаморфозис” начала века»¹⁷⁹. Полтавская победа снова предстаёт как элемент исторической аналогии. Можно, пожалуй, сказать, что отчасти эта отдалённая историческая аналогия напоминает риторическую установку авторов Петровской эпохи, подбиравших для деяний Петра исторические приклады, с той разницей, что для Третьяковского Полтавская победа, разумеется, уже не является актуальным событием и важна лишь как эпизод политической деятельности создателя Российской империи.

Достаточно часто тема Полтавской победы встречается в произведениях А. П. Сумарокова. Одна из самых ранних од Сумарокова — «Ода на Государя Императора Петра Великого» (1755 год — впервые выпущена в «Ежемесячных сочинениях», написание датируется 1743–1744 годами) — целиком посвящена Петру I. Несмотря на то что Полтавская победа упоминается лишь в контексте достижений царя, это произведение представляется значимым, так как, по сути, является первым в полной мере панегирическим стихотворным текстом Сумарокова. Приведём интересующие нас фрагменты:

Возведен его [Петра I — прим. *А. Т.*] рукою
От Нептуновых свирепств
Град, убежище к покою,
Безопасный бурных бедств,
Где над чистою водою
Брег над быстрою Невою
Александров держит храм;
Где Борис, пространным небом
Путешествуя со Глебом,
В помощь нисходили к нам¹⁸⁰.

¹⁷⁹ Моисеева Г. Н. Указ. соч. С. 186.

¹⁸⁰ Сумароков А. П. Ода на Государя Императора Петра Великого // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 22–23.

Как и в случае со стихотворением Тредиаковского, здесь можно наблюдать отсылку к «Житию святого Александра Невского», на этот раз — с упоминанием чудесного явления святых Бориса и Глеба.

В сладкой брань творя надежде,
В славно имя создал дом
На горах, с которых прежде
На врагов метал свой гром.
Там в долинах под горами
Ходят нимфы берегами
И Петрову жизнь поют;
Там морской державы сила
Малый ботик возгласила,
Прославляя царский труд.

Близ пещер вода играет,
Флора свой возносит трон,
Там пресильно раздирает
Львовы челюсти Самсон.
Тако Петр по Вышней воле
Льва терзал в Полтавском поле;
Лев беспомощно ревел
Под орловыми крылами,
Изъязвлен его когтями
И противиться не смел¹⁸¹.

В приведённой цитате как одно из достижений Петра упоминается основание Петергофа в 1710 году. Стоит обратить внимание на то, сколь необычен контекст упоминания Полтавы в этом фрагменте. О Полтавской победе напоминает известный петергофский фонтан — «Самсон,

¹⁸¹ Там же. С. 23.

раздирающий пасть льва»¹⁸². В приведённом контексте историческое событие представляется читателю посредством раскрытия аллегорического смысла статуи Самсона. Надо сказать, что внимание к монументальному искусству (памятникам, скульптурам, зданиям) в целом характерно для эстетики эпохи зрелого классицизма, о чём писал, в частности, Л. В. Пумпянский: «Весь европейский классицизм проархитектурен, так сказать, насквозь. Отсюда архитектурная фиксация классической поэзии. Дворец, здание, столп, памятник, статуя — постоянная ее тема. В некоторые эпохи развития классицизма острое насыщение оды архитектурной и статуарной тематикой достигает небывалых размеров»¹⁸³. В анализируемой оде Сумарокова Петергофский парк, по сути, играет роль рукотворного воплощения мечты государя-демиурга. На примере од Ломоносова Е. А. Погосян было наглядно продемонстрирован образ сада-рая как политического символа в царствование Елизаветы Петровны¹⁸⁴. Думается, что сходные элементы поэтики имеют место и в раннем творчестве Сумарокова. Обильно представлена в данном фрагменте и «полтавская» топика в аллегориях льва и орла. Кроме того, такое решение позволяет провести временную антитезу, в которой прошлое противопоставлено настоящему: мирно прогуливаясь в настоящем лирическом времени по Петергофскому парку, говорящий субъект вспоминает славные и кровавые битвы прошлого. Отметим также, что фонтан «Самсон» — не единственный элемент паркового ансамбля Петергофа, упоминающийся в оде:

Домик, что при самом море,
Где Парис в золотой жил век,
Собеседуя Авроре,
Утешением нарек

¹⁸² Идея фонтана возникла в 1734 г. во время подготовки к празднованию 25-летия Полтавской победы.

¹⁸³ Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 4/5. М.; Л., 1939. С. 109–110.

¹⁸⁴ Погосян Е. А. Сад как политический символ у Ломоносова // Труды по знаковым системам. Т. 24. Тарту, 1992. С. 44–57.

В память, что он тут судами
Грозными владел, водами
И подвигнул глубину,
Лес чрез горы превысоки
В вертограды льет потоки,
Где прельстил злой змей жену¹⁸⁵.

Сгущение античных и библейских культурных сюжетов, в ряду которых находится сюжет о Самсоне и льве, при описании Петергофского парка, вполне соответствует художественному принципу барокко. Для этого принципа характерны, с одной стороны, соединение гетерогенных культурных элементов, с другой — эмблематичность и аллегоризм, что прекрасно отражено в Петергофском парке¹⁸⁶ и передано Сумароковым в оде. Нельзя при этом не отметить, что барочное начало не было чуждо и самому Сумарокову, родившемуся при Петре и выросшему в эпоху, когда барочное панегирическое слово ещё не угасло (не исключено, что косвенное влияние на поэтику раннего Сумарокова оказывали и прозаические панегирики Петровской эпохи, в которых, как мы видели, смешение античных и библейских образов часто имело место). Однако в оде, судя по всему, смешение античного и библейского начал к тому времени ещё не получило распространения. Здесь же право на смешение гетерогенных образов даёт само одическое пространство сада, в котором скульптурные воплощения античных и библейских героев сосуществуют. Н. Ю. Алексеева отмечает, что смешение античной и библейской истории является одическим новаторством Сумарокова¹⁸⁷. В целом, гетерогенные мифологические образы садово-парковых скульптур отсылают как к реальным историческим политическим событиям, так и к уровню эйдоса, позволяя сопоставить деяния Петра с великими событиями древней истории. Н. А. Гуськов заключает выводы

¹⁸⁵ Сумароков А. П. Ода на Государя Императора Петра Великого. С. 23–24.

¹⁸⁶ См. об этом: Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л., 1982. С. 121–142.

¹⁸⁷ Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 223.

об этом фрагменте оды Сумарокова следующим образом: «Как и в реальном парке, античные и библейские образы органически вплетены в ход современной политической жизни и выступают то свидетелями, то аллегориями петровских преобразований. <...> Библейский, античный и российский образные планы выступают, в итоге, лишь разными воплощениями одних и тех же исходных понятий, вечных основ жизни, упрочнению которых содействовал царь-творец, прославлением которых занимается стихотворец»¹⁸⁸. Об эйдосе в оде пишет и Н. Ю. Алексеева: «Панегирическая ода (как и всякий панегирик) изображает предмет не таким, каким он видится несовершенному глазу, а исходя из высшего знания о нём. Высшее же знание — это результат постижения эйдоса предмета, идеальной его сущности»¹⁸⁹.

Елизаветинская тема од, ранее показанная нами на примере произведений Ломоносова, присутствует и в творчестве Сумарокова и также содержит некоторые упоминания Полтавской победы. Рассмотрим «Оду Ея Императорскому Величеству в день Ея высочайшаго рождения, торжествуемаго 1755 года Декабря 18 дня». Ода посвящена добродетелям Елизаветы, отчасти — истории её воцарения. Не раз Сумароковым подчёркивается кровное родство и, соответственно, наследственная преемственность Петра и Елизаветы:

Благословенны наши лета.
Ликуй, блаженная страна!
В сей день тебе Елисавета
Всевышним и Петром дана¹⁹⁰.

Тема войны, в целом, затрагивается в оде весьма опосредованно.

¹⁸⁸ Гуськов Н. А. Ода «На государя Петра Великого»: к вопросу о формировании одической поэзии А. П. Сумарокова // *Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб., 2010. С. 178–179.

¹⁸⁹ Алексеева Н. Ю. Указ. соч. С. 189.

¹⁹⁰ Сумароков А. П. Ода Ея Императорскому Величеству в день Ея высочайшаго рождения, торжествуемаго 1755 года Декабря 18 дня // Сумароков А. П. *Оды торжественныя. Елегии любовныя*. М., 2009. С. 33.

Возможность войны носит скорее гипотетический характер и присутствует, с одной стороны, как приём устрашения гипотетического противника, с другой — как возможность показать преданность императрице. Именно в этой связи и затрагивается Полтавская победа:

Над ними будешь ты царица,
Наложишь на противных дань.
Воздвигни меч, императрица,
Когда потребна будет брань!
Пред войском твой штандарт увидев,
Мы, тихий век возненавидев,
Забудем роскошь, род и дом:
Последуя монаршей воле,
Наступим на Полтавско поле.
Бросай ты молнию и гром¹⁹¹.

Примечательна данная ода ещё и тем, что связь Елизаветы с Полтавской победой проводится на основании года рождения императрицы (напомним, что Елизавета родилась в конце победоносного 1709 г.):

Тогда сей год возобновится,
В который в чреве ты была,
И паки пламень тот явится
Против на нас восставша зла¹⁹².

Стоит при этом отметить, что, в целом, Сумароков программирует Елизавете мирное правление:

Не ищешь ты войны кровавой
И подданных своих щадишь,

¹⁹¹ Там же. С. 35.

¹⁹² Там же.

Довольствуясь своею славой,
Спокойства смертных не вредишь¹⁹³.

Перейдём к рассмотрению следующей оды Сумарокова (уже на екатерининскую тему), в которой упоминается Полтавская победа — «Оды Ея Императорскому Величеству Государыне Екатерине Алексеевне и Самодержицы Всероссийской на День Рождения Ея Апреля 21 дня 1764 года». Как и предыдущая ода, это произведение также написано на случай дня рождения правящего монарха и посвящено его добродетелям. Здесь также поднимается тема войны как ответа на возможную угрозу со стороны:

А естли кто на мя¹⁹⁴ восстанет,
И дерзску руку вознесет;
Мой гром со молниєю грянет,
И сопостата потрясет¹⁹⁵.

Далее, сюжет Полтавской победы передаётся в оде посредством апелляции к памяти Русской земли:

Живыми в памяти творятся,
Моих победы прежних дней:
Поля Полтавы там курятся,
И облак воспален над ней:
Все небо как над Етной рдеет,
Земля трепещет и багреет,
Вес воздух превратился в дым,
И мглой подсолнечную кроет,

¹⁹³ Там же. С. 34.

¹⁹⁴ Повествование в значительной части оды ведётся от лица России.

¹⁹⁵ Сумароков А. П. Ода Ея Императорскому Величеству Государыне Екатерине Алексеевне и Самодержицы Всероссийской на День Рождения Ея Апреля 21 дня 1764 года // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 103.

Колелбетя, ревет и воет,
И блещут молнии под ним¹⁹⁶.

Обратим внимание на то, что упоминание этого исторического события здесь развёрнуто до более подробного описания битвы. Примечательно, что в пределах шести строчек в оде проступают четыре формулы, восходящие, вероятно, к формульному фонду древнерусских воинских повестей. Эти формулы были описаны А. С. Орловым и продемонстрированы в предыдущей главе на примере прозаического панегирика: «земля багреет», «воздух превратился в дым», «мгла на небе», «блещут молнии». Эти формулы, как было показано в предыдущей главе, встречаются, например, в «полтавских» проповедях Феофана Прокоповича при описании битвы.

Тема Полтавской победы косвенно всплывает в более поздней оде Сумарокова под названием «Ода Ея Императорскому Высочеству Государыне Наталии Алексеевне великой княгине супруге наследника Российского престола на перьвый день 1774 года». Как и предыдущие две оды, это произведение носит светский окказиональный характер, посвящено супруге Павла I великой княгине Наталье Алексеевне, и поводом для его написания послужило празднование Нового года. Магистральной темой оды является главное жизненное предназначение великой княгини — рождение наследника престола:

К сему россии <sic!> мысль быстра,
В сем нас надежда утешает;
К тебе россия возглашает:
Дай нам великаго Петра¹⁹⁷.

Как видно, тема Петра I здесь затрагивается в связи с рождением

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Сумароков А. П. Ода Ея Императорскому Высочеству Государыне Наталии Алексеевне великой княгине супруге наследника Российского престола на перьвый день 1774 года // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 182–183.

будущего престолонаследника. В лице нового правителя Россия, согласно замыслу одописца, должна вновь обрести мощь и силу петровских времён. Военная тема, также затрагиваемая в оде, становится актуальной в связи с вооружённым противостоянием России и Турции в 1768–1774 годах:

Да будет кровь Его Тобой,
Во веки на Российском троне!
Узрит Россия пред собой,
Полтавско поле к обороне:
Низвержен будет Фаэтонт,
Границ Российских Турк не тронет:
Или тронув падет, застонет:
Смутится паки Гелеспонт¹⁹⁸.

Можно заметить, что в данном контексте будущая победа над турками напрямую сопрягается с Полтавской победой. Перед победоносным русским войском второй половины XVIII века как бы актуализируется образ героического прошлого. Среди других черт, характерных для произведений «полтавской» тематики, можно отметить мотив падения Фаэтона, ставший в полной мере общим местом одической поэзии XVIII века.

Последний сумароковский текст, который мы рассмотрим в рамках настоящей работы, это «Ода Ея Императорскому Величеству великой Государыне Екатерине Алексеевне императрице и самодержице всероссийской на торжество мира с Портою Оттоманскою 1775 года июля 10 дня». Произведение, как следует из названия, посвящено победе России в русско-турецкой войне 1768–1774 годов. Как и в предыдущих текстах, здесь актуализируется тема Петра I. Говорящий субъект как бы призывает из гроба великого монарха:

Восстань великий Петр из гроба,

¹⁹⁸ Там же. С. 183.

И зри россия какова:
Каков стал ныне твой петрополь,
И росско войско каково!¹⁹⁹

При помощи такого художественного решения в рамках оды возникает антитеза прошлого (времен Петра) и настоящего (правления Екатерины). Косвенным образом такой ход со стороны одописца подчёркивает величие Екатерины и её трудов, приравнивая их по своей значимости к деяниям Петра I. С этой же целью в ряду великих событий прошлого упоминается Полтавская победа:

Поля полтавски трепетали,
Когда на них сражался Петр:
А днесь во дни Екатерины
Везде полтавския поля²⁰⁰.

Обратим внимание на то, что в данном контексте сочетание «полтавские поля» приобретает нарицательный смысл ‘места победоносных сражений’, становясь как бы топонимической антономазией.

Любопытной деталью, роднящей данную оду с предыдущими, является надежда на рождение нового Петра в лице сына Павла I, изъявляемая в последней строфе оды:

Сего единого желати
Осталось нам на свете сем:
Дабы Наталия простерла
Нам кровь великаго Петра²⁰¹.

¹⁹⁹ Сумароков А. П. Ода Ея Императорскому Величеству великой Государыне Екатерине Алексеевне императрице и самодержице всероссийской на торжество мира с Портою Оттоманскою 1775 года июля 10 дня // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 253.

²⁰⁰ Там же. С. 254.

²⁰¹ Там же. С. 256.

Таковы общие особенности упоминания Полтавской победы в одическом творчестве А. П. Сумарокова. Практически каждый раз к этому историческому событию, как к мифологизированному элементу героического нарратива прошлого, идёт апелляция в сумароковских одах. Характеризуя этот феномен, уместным видится привести наблюдение Т. Е. Абрамзон: «Военные победы императора (особенно Полтавская битва) обретают в одическом пространстве Сумарокова значение сакральных прообразов, событий священного времени. Им присваивается повышенная ценность архетипического действия — *первых* побед нового государства и его *создателя* [курсив автора — *А. Т.*], поэтому все военные победы российской армии при Елизавете Петровне возведены к одному архетипу — к победам Петра Великого (в силу законов жанра поражения российской армии в одическое пространство не попадают)»²⁰². Героизация и мифологизация прошлого имеет значение в актуальном настоящем Сумарокова, будь то война с новым врагом, наставление новому монарху или желание вновь узреть величие России.

Те же функции Полтавская победа несёт и в одическом творчестве других поэтов середины и второй половины XVIII века. Обратимся к двум произведениям В. И. Майкова, и в первую очередь — к его «Оде по восшествии Ее Величества на всероссийский престол, на день тезоименитства Ее 1762 года». Произведение посвящено, как явствует из названия, тезоименитству Екатерины II, не так давно взошедшей на престол. Как и в предыдущих одах, новая императрица изображена как наследница правителей прошлого. С целью подчеркнуть политическую преемственность российских императоров, одописец прибегает к приёму отражения одного правителя в другом:

Ликуй, Россия, ввек отныне,

²⁰² Абрамзон Т. Е. Одические амплуа Петра Великого в мифологии власти А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 13. СПб.; Самара, 2007. С. 127–128.

В тебе нестройка больше нет;
Ты зришь Петра в Екатерине,
И в ней ты зришь Елисавет²⁰³.

Упоминание Полтавской победы здесь играет ту же роль, что и в предыдущих произведениях:

О, коль блаженна ты, Россия,
В Екатерине кроткий дух.
Лети во все концы земные
Внушити, слава, громкий слух,
Что здесь премудрость на престоле,
И не страшит Россию боле
Суровость дмящихся врагов.
Ее императрице новы
Сплетаются венцы лавровы
От вернейших ее сынов,

Которых славные победы
В концах вселенныя гремят,
И коих окрестны соседы
Дела геройски с страхом чтят,
Которых при Елисавете
И при Петре в пространном свете
Всегда гремели имена;
То знают Франкфурт и Полтава.
Но, ах, толика громка слава
Едва была уже слышна!

²⁰³ Майков В. И. Ода по восшествии Ее Величества на всероссийский престол, на день тезоименитства Ее 1762 года // Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 185.

Уже сии победоносцы,
Которы удивляли свет,
Преславные делами россы,
По тьме преславнейших побед,
Безгласны в оном оставались
И побежденным предавались
В неволю вечную. О, срам,
Когда б вам, россы, жить в свободе,
Тогда к противничей угоде
Позорно заперт Янов храм!²⁰⁴

Как видно, метонимическое упоминание городов Франкфурта и Полтавы отсылает к великим победам времён Петра и Елизаветы — Полтавской победе 1709 г. и взятием русскими войсками Франкфурта-на-Одере в ходе Семилетней войны в 1761 г.²⁰⁵ Упоминание этих побед призвано подчеркнуть возрождённую при Екатерине и, как следует из третьей строфы, на время угасшую при Петре III военную силу России.

По большому счёту, ту же функцию несёт упоминание Полтавской победы и в следующей оде Майкова — «Оде на случай избрания депутатов для сочинения проекта Нового уложения 1767 года». Не описывая оду целиком, сосредоточимся на одном фрагменте:

Одетая жена героем
Геройский заключает дух,
Стремится перед храбрым строем
Разить и побеждати вдруг;
Гордяся, конь, как вихрь, крутится,
От ног его песок мутится,
Восходит кверху пыль столпом.

²⁰⁴ Там же. С. 186.

²⁰⁵ Западов А. В. [Комментарии] // Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 465.

Таков был Петр велик во славе,
Когда на брани при Полтаве
Бросал на дерзких шведов гром²⁰⁶.

Вспоминая торжественный въезд Екатерины в мундире Преображенского полка в Петергоф 28 июня 1762 года, что привело к свержению Петра III, одописец сравнивает её с Петром I в момент его торжества в 1709 году.

Достоинно внимания упоминание Полтавской победы А. А. Ржевским в «Оде блаженныя и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому» (1761 г.). Это произведение посвящено почти целиком идеальному государю²⁰⁷ в лице Петра I (что, опять же, придаёт особую значимость правящей в 1761 г. Елизавете как его дочери). Полтавская победа упоминается в контексте других достижений Петра:

Но что еще мой ум смущает?
Куда еще мысль взор бросает?
Мечтательно виденье зрю:
Дым, пепел, пламень, мгла курится,
Багрова кровь ручьем стремится
Желаньем петь еще горю,
Горю Петра петь под Полтавой,
Когда он готфов там попрал,
Попрал, вознесся вышней славой
И сил искусство показал²⁰⁸.

Отличает этот фрагмент от аналогичных упоминаний Полтавской

²⁰⁶ Майков В. И. Ода на случай избрания депутатов для сочинения проекта Нового уложения 1767 года // Майков В. И. Избранные произведения. М.; Л., 1966. С. 199.

²⁰⁷ Кочеткова Н. Д. [Комментарии] // Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 586.

²⁰⁸ Ржевский А. А. Ода блаженныя и вечно достойныя памяти истинному Отцу Отечества, императору первому, государю Петру Великому // Поэты XVIII века: В 2 т. Т. 1. Л., 1972. С. 248.

победы в предыдущих произведениях необычная позиция говорящего субъекта, как бы созерцающего битву:

Уже трофеи их валятся,
Бегут и не брегут знамен,
Бегут, спасти себя стремятся,
Даются безупорно в плен²⁰⁹.

Стоит отметить, что одописцем включается элемент чуда в это историческое событие, поскольку победы русского войска никто не ожидал:

То войско там торжествовало,
Что прежде юность утешало,—
Никто сих следств не ожидал.
Каким вы зреньем насладились!
Вы, кои в веке том родились,
Когда Петр лавры восприял,
Лучами как облекшись славы,
Приходом россов ободрил
И гордых шведов от Полтавы
В Москву в триумфе плен вводил²¹⁰.

Элемент чудесного при рассказе о Полтавской победе неоднократно подчёркивался церковными ораторами первой трети XVIII века с той лишь разницей, что авторы той эпохи видели в этом чуде Божий промысел.

Не слишком отличается упоминание Полтавской победы в «Оде Ее Императорскому Величеству государыне Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской на новый 1763 год» И. Ф. Богдановича.

²⁰⁹ Там же. С. 249.

²¹⁰ Там же.

В контексте восхваления императрицы одописцем затрагивается тема войны и военного потенциала России:

Свидетели тому соседы,
Коль славны чрез свои победы
Россияне, смиря врагов;
Свидетели те войски сами,
Которы, побежденны нами,
Чтут мужество твоих полков.
Еще герои русски целы,
Живут и будут жить в сынах, —
Враги увидят прежни стрелы
И прежни громы в их полях.

Те громы, кои под Полтавой
И всюду пред Петровой славой
Стремилась дерзостных карать;
Главы их тот же меч преклонит,
И тот герой врагов погонит,
Который гнал за степь их вспять.
Но если грозный рок злодеев
Их дерзкий путь давно пресек,
Без бранных действий и без трофеев,
Монархиня, твой славен век²¹¹.

Как и в предыдущих стихотворениях, здесь можно наблюдать преимущество Екатерины по отношению к Петру, а Полтавская победа вновь упоминается как величайшее торжество русского оружия: врагов, посягнувших на Россию, будет гнать тот же меч, что шведов в 1709 году.

²¹¹ Богданович И. Ф. Оде Ее Императорскому Величеству государыне Екатерине Алексеевне, Самодержице Всероссийской на новый 1763 год // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. С. 151–152.

Весьма значимым видится способ изображения Полтавской победы в творчестве М. Н. Муравьева. Рассмотрим стихотворение «Военная песнь» 1773 года.²¹² Оно построено, как следует из названия в форме песни. В этом произведении говорящий субъект, чья фигура очень ярко выражена, обращается к публике — солдатам, отправляющимся на войну (возможно, на одно из сражений русско-турецкой войны 1768–1774 годов), ставя им в пример великие военные победы Петра:

Младые воины, сберитесь
На сродный вам военный глас
И боле славой возгоритесь:
Не для других пою, для вас.
Для вас я лиру восхищаю
И в дерзких мыслях обращаю
Петра Великого дела.
Он мир наполнил громкой славой.
Мужайтесь, зрите под Полтавой
Паренье русского орла²¹³.

Полтавская победа упоминается в произведении в контексте других военных побед царя, среди которых — Осада Нарвы 1704 года и Взятие Дербента 1722 года. Тем не менее, фрагмент, посвящённый Полтавской победе, значительно длиннее остальных упоминаний о военных победах. Приведём его целиком:

Петра мнил Карл дванадесятый
Наветом хитрым одолеть:
Отринут умысл предприятый;
Он пал, в свою уловлен сеть.

²¹² Датировка этого текста неоднозначна. См.: Кулакова Л. И. [Комментарии] // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 329.

²¹³ Муравьев М. Н. Военная песнь // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967. С. 94.

Напрасно льстит ему Мазепа:
Уже пылает брань свирепа
Перед полтавскою стеной.
В полки полки там ударяют,
И медны жерла огонь рыгают,
Сокрыв куреньем свет дневной.
Катятся смертоносны звуки
По облаку багровой мглы,
И Марс простер кровавы руки:
Несутся паки с ним орлы.
Зияет смерть, земля багреет,
Отсветом небо пламенеет,
И стоном богатится ад.
Герой удары направляет,
Победу к россам преклоняет
Его величественный взгляд.
О день, навеки незабвенный,
В который гордый готф упал!
Тверди собой во слух вселенной,
Что ков противных россам мал.
Что жизнь и вольность тот положит,
Кто мир священный востревожит
Твоих, Россия, тихих сел;
Что, крепок силою толикой,
Врага увидел Петр Великой —
И злобный враг оцепенел²¹⁴.

Как можно заметить, в процитированном фрагменте присутствует пространный рассказ о ходе и исходе битвы. Этот эпизод изобилует многими

²¹⁴ Там же. С. 95–96.

словесными формулами, типичными для воинских повестей Древней Руси и отмеченных в предыдущих произведениях о Полтаве: «багровое небо», «скрылся дневной свет», «стон по земле», «земля багреет от крови» и др. Необычным образом они переплетаются с именем Марса, что встречалось, к примеру, в цитате из «Слова похвального о... победе» Феофана Прокоповича: «Ужаснее зрети бесчисленная семя и овамо летающая блистания и слышати непрестанныя страшныя громы <...> Но в таковой тьме и курении ясно на весь мир блисну слава российских воев, и посреде толиких марсовых волн не поколебася мужественное твое и твоего, пресветлейший монархо, воинства сердце»²¹⁵. Отсылает к «полтавским» произведениям и мотив «падения готфа», где под готфом метонимически подразумевается шведское войско. Как и в предыдущих произведениях, в этом тексте заслуги Петра проецируются на достижения современных российских монархов:

Герой! ты днесь творишь героев;
Зри, дух твой их ведет средь боев,
С небес прииникни на сынов;
Воззри на труд Екатерины:
В архипелажские пучины
Гремит твой флот среди валов²¹⁶.

В этом фрагменте говорится о военных успехах русского флота в ходе сражений с турками у островов Архипелага в 1770–1774 годах. Завершается произведение представлением Павла I в качестве преемника Петра:

Пылайте, юноши, пылайте,
Того часа и дни желайте,
Как Павел с нами загремит.
Он пойдет вслед делам Петровым,

²¹⁵ Феофан Прокопович. Слово похвальное о... победе. С. 30.

²¹⁶ Муравьев М. Н. Военная песнь. С. 96.

Когда велением суровым
Война в пределах закипит²¹⁷.

Как уже было отмечено, тема политической преемственности, восходящей к Петру, часто присутствовала в официальной поэзии XVIII века и имела целью укрепить власть и авторитет монарха.

Любопытные исторические аналогии Полтавской победы проводятся в финальной строфе оды «На рождение великой княжны Елисаветы Александровны» (1806 г.) Г. Р. Державина, посвящённой рождению дочери Александра I:

Пелен, Хариты, станьте вокруг;
Премудрость, сядь близ колыбели,
И век ее чтоб Музы пели,
Вдыхайте ей к ним вкус и дух;
А днесь была звездой чтоб славы,
Как у Непрядвы и Полтавы
Мы стерли супостатов рог.
Она лишь только улыбнется, —
От Александра гром прострется,
Предыдет Россам в бранях Бог²¹⁸.

В представленном фрагменте Полтавская победа по своей значимости приравнивается к другому великому сражению — Куликовской битве 1380 года. Таким образом, в оде Державина происходит пополнение «фонда» исторических примеров побед русского войска. За счёт этого величие русского войска перестаёт прочно ассоциироваться с именем только Петра I. Возможно, связано это с постепенным затуханием к началу XIX века традиции приравнивания всех монархов к Петру. Отметим, однако, что

²¹⁷ Там же. С. 97.

²¹⁸ *Державин Г. Р.* На рождение великой княжны Елисаветы Александровны // *Державин Г. Р. Сочинения*: В 3 т. Т. 2. СПб., 1865. С. 607.

традиция изображать преемственность российских монархов находит отражение и в этом тексте (новорождённая Елизавета сравнивается с Елизаветой Петровной по принципу соимённости):

Дщерь соименную Петровой
России Александр дарит!²¹⁹

Второй текст Державина, в котором упоминается Полтавская победа, носит название «На выступление корпуса гвардии в поход» (1807 г.). Произведение посвящено выступлению русских войск в заграничный поход на освобождение Берлина, занятого французами. Собственно, упоминание Полтавской победы встречается в этом тексте лишь в перифразе имени Петра I — «витязь Полтавы»:

Греми, рази ехидн
Илектра на волнах:
Освободи Берлин,
Лежащий во змиях,
Обвивших вокруг его все тело.
Твое, тебя достойно дело
Плеть лавр себе из новой славы,
К улыбке витязя Полтавы²²⁰.

Говоря о Полтавской победе в русской панегирической литературе, уместным видится завершить наш обзор двумя стихотворениями В. В. Капниста. В 1811 году в Полтаве состоялось торжественное открытие памятника, посвящённого 100-летию со дня Полтавской победы. На этот случай Капнистом, служившим тогда в полтавском генеральном суде

²¹⁹ Там же. С. 606.

²²⁰ Державин Г. Р. На выступление корпуса гвардии в поход // Державин Г. Р. Сочинения: В 3 т. Т. 2. СПб., 1865. С. 626–627.

и ставшим потом предводителем дворянства Миргородской губернии, были сочинены и прочитаны торжественные стихи:

Х о р

Красуйся, торжествуй, Полтава,
И лавр обвей вокруг чела:
Твоя днесь обновилась слава,
Как юность древнего орла.

* * *

Ты зрела, как здесь лев полнощный
Кровь чад твоих реками лил,
И как его десницей мощной
Сампсон Российский поразил.

Х о р

Красуйся, торжествуй и т. д.

Петровой подражатель славы,
Днесь новый лавр и пальмы шлет
В победные поля Полтавы,
Из поля собственных побед.

Х о р

Красуйся, торжествуй и т. д.

Что Петр девятилетней бранью
В полях полтавских заложил,
То Александр могущей дланью,
Через век, в единый год свершил.

Х о р

Красуйся, торжествуй и т. д.

С восторгом зри средь поля бранна
Днесь Им воздвигнутый трофей
В честь Предка, славою венчанна,
И в память верности твоей.

Х о р

Красуйся, торжествуй и т. д.

Столетие победы Россов
Днесь празднеством почтил твой Царь.
Ты, вместо мраморных колоссов,
В сердцах поставь Ему алтарь.

Х о р

Красуйся, торжествуй и т. д.

Внеси моление усердно
К Царю царей, Отцу щедрот,
Чтоб царство мудро, милосердно
Продлил Он с славой в род и род!

Х о р

Внеси моление и т. д.²²¹

Как видно, данный текст представляет собой торжественную песнь, разбитую на несколько катренов и фрагменты для хора. В собрания сочинений Капниста, насколько мы можем судить, это произведение

²²¹ Цит. по: Бучневич В. Е. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава, 1902. С. 165–166.

не вошло, так как имело исключительно окказиональный характер и предназначалось, как видно, для единичного исполнения. Приведём свидетельство об открытии памятника и исполнении этих стихов Капнистом из «Северной почты, или Новой Санкт-Петербургской газеты» (№ 57. Среда. 19 июля. 1811):

«Сего июня 27 числа последовало открытие монумента, сооруженного здесь в память славной Полтавской победы. Торжество этого открытия происходило следующим образом. По совершении в здешней соборной церкви преосвященным Феофаном божественной литургии, перед окончанием которой произнесено им было приличное этому торжеству слово²²², начался крестный ход к Александровской площади. За оным последовали все губернские чины, равным образом и цехи с их знаками, предписанным в учреждении губернии порядком. По прибытии этой процессии на помянутую площадь, дан был сигнал к открытию монумента. Затем совершен был благодарственный молебен, и при возглашении многолетия Государю Императору и всей Августейшей Его Фамилии, произведена была пушечная пальба. После этого бывшая процессия, тем же порядком, предприняла обратный путь. По окончании всего, г. генерал-губернатор пригласил духовенство и дворян к обеденному столу. В день этого празднества на галерее открытого монумента играла духовая музыка, разделенная на два хора. Вечером все фасады, окружающие Александровскую площадь, освещены были наилучшим образом, а после того сожжен был большой фейерверк. На случай торжества этого г. *Капнист* сочинил прекрасную песнь [курсив мой — *А. Т.*], а г. Росляков — особый пролог с хорами. Но более всего отличалось торжество это истинно благородным и на просвещенной любви к отечеству основанным подвигом

²²² См.: Слово, говоренное Преосвященным Феофаном, Епископом Полтавским и Переяславским, в Полтавском Успенском Соборе, при открытии монумента в память победы над Шведами, 1811 года, Июня 27-го дня // Полтавские епархиальные ведомости. 1863. № 13. Т. 2. С. 3–8. (Анализ этого произведения, как и других образцов торжественного красноречия постпетровского периода, не входит в рамки настоящей выпускной квалификационной работы; рассмотрение церемониальных прозаических текстов, посвящённых празднованию юбилея Полтавской победы в 1811 г., является перспективой для дальнейшего исследования).

здешнего помещика, г. надворного советника Сахновского, который, в ознаменование признательности своей к щедротам Государя Императора Петра I, наградившего вотчиной предка его, за оказанное им отличное мужество во время Полтавского сражения, за благо признал в сей же самый день даровать свободу из этой вотчины семи семействам, составляющим двадцать четыре души мужского пола. Семейства эти находятся в порядочном состоянии, а некоторые из них довольно зажиточны. На другой день, в продолжение этого торжества, г. гражданский губернатор давал обеденный стол; вчера у г. действительного статского советника Кочубея был бал и ужин. Завтра г.г. маршалы дворянства дают праздник от имени своего сословия; а вслед г. генерал-губернатор пригласил публику в городской сад, где будет иллюминация, бал и ужин»²²³.

На основании приведённой записи можно заключить, что открытие памятника, как и вообще мемориальная церемония в честь Полтавской победы, была событием исключительной общественной важности, пусть и в масштабах одной губернии. В тексте песни присутствуют многие черты, характерные для «полтавской» темы в литературе и представленные в предыдущих произведениях.

Прежде всего — это упоминание аллегии Швеции (льва) и перифрастического именованя Петра (Российский Сампсон). Далее, новый правитель России, Александр I, упоминается как преемник великих дел Петра I. В конце песни приведено обращение к Богу с целью прославить это великое историческое событие. Помимо этого стоит обратить внимание также на первый куплет, в котором за самим торжеством открытия памятника усматривается обновление былой славы. Мотив обновления, чрезвычайно важный для церемониальной культуры, призван здесь утвердить связь между современной политической ситуацией в России

²²³ Из Полтавы, от 30 Июня // Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета. 1811. № 57. Среда. 19 июля. [Б. н.]. О том, что именно эта песня была исполнена на церемонии открытия памятника, см.: Павловский И. Ф. Полтава в начале XIX века: В 3 вып. Вып. 3. Генерал-губернаторство князя А. Б. Куракина (1802–1808 гг.). Киев, 1902. С. 159–160.

и эпохой Северной войны. Не исключено, что в тексте песни подразумевается победа России в русско-шведской войне 1808–1809 гг. (Хотя Фридрихсгамский мирный договор был подписан 5 (17) сентября 1809 г., то есть формально после празднования 100-летия Полтавской победы в июне 1809 г., возможно, представленная редакция текста песни относится уже к 1811-му, а не к 1809-му году.)

Ещё одним текстом Капниста, где упоминается Полтавская победа, является стихотворение «Петру Первому» 1811 г. Как и в предыдущих стихотворениях других авторов, Полтавская победа в этом произведении упоминается лишь вскользь — в ряду других заслуг Петра:

Иссунул меч — и готф на высотах Полтавы
К ногам могущего с трофеев гордых пал...²²⁴

Как и во многих других панегирических произведениях о Полтаве, в представленном фрагменте имеет место устойчивая метонимия: шведское войско Карла XII обозначено существительным «готф». Г. В. Ермакова-Битнер считает, что это стихотворение также было связано с торжествами в честь 100-летия Полтавской победы²²⁵.

Нами был рассмотрен ряд поэтических текстов середины и второй половины XVIII века, в которых, в разных контекстах и с разной степенью детализации, упоминается Полтавская победа. Практически во всех случаях она связана с двумя темами — войны и Петра I. Для большей наглядности систематизируем произведения в следующих таблицах, выделив в качестве интегрирующих признаков способы изображения войны (таблица 2) и Петра I (таблица 3). Названия произведений в таблицах заменены на имя автора и год издания текста, в случае с В. В. Капнистом в скобках указан порядок, в котором произведения поэта представлены в настоящей работе.

²²⁴ Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973. С. 237.

²²⁵ Ермакова-Битнер Г. В. [Комментарии] // Капнист В. В. Избранные произведения. Л., 1973. С. 569.

Таблица 2. Война				
Историческая аналогия			Конкретно Северная война	Угроза потенциальным врагам
Актуализация в связи с новыми врагами	Русско- шведское противостояние	Аналогия с Древней Русью		
Сумароков 1774	Ломоносов 1741	Третьяковский 1752	Сумароков 1743	Сумароков 1755
Державин 1807	Ломоносов 1742	Державин 1806	Херасков 1751	Сумароков 1764
	Ломоносов 1759		Майков 1762	Богданович 1763
	Капнист 1811 (1)		Майков 1767	
			Ржевский 1761	
			Капнист 1811 (2)	

Таблица 3. Пётр I				
Сам Пётр	Новый будущий Пётр	Преемники Петра		
		Елизавета Петровна	Екатерина II	Александр I
Сумароков 1743	Сумароков 1774	Ломоносов 1741	Майков 1762	Капнист 1811 (1)
Херасков 1751		Ломоносов 1742	Майков 1767	
Ржевский 1761		Ломоносов 1759	Богданович 1763	
Капнист 1811 (2)		Сумароков 1755		

На основании приведённых таблиц можно убедиться, насколько разнообразными могут быть контексты упоминания Полтавской победы в русской панегирической литературе зрелого XVIII века. В целом, не будучи основной темой большинства вышеозначенных текстов, Полтавская победа представлена в них в редуцированной форме — как своеобразная метонимия, как в сугубо лингвистическом, так и в более широком значении. Именем собственным «Полтава», устойчивыми выражениями типа «полтавские поля» и т. п. одописцы часто заменяют название самой битвы. В расширенном же значении, как показали приведённые выше примеры, поэты часто заменяют именованием Полтавской победы героическое прошлое России целиком или мужество русского войска.

Добавим небольшой комментарий ко второй таблице, в которой анализируется тема Петра I в текстах, где упоминается Полтавская победа. Как можно заметить, в абсолютном большинстве случаев (в один ряд с которыми, в принципе, можно поставить и стихотворения из раздела «Новый будущий Пётр») имя Петра упоминается в качестве образца для его исторических преемников — наследников российского престола. Елизавета и Екатерина в одическом пространстве предстают не просто историческими преемницами императорского титула, но и своеобразными реинкарнациями великого императора (а иногда и друг друга):

Ты зришь Петра в Екатерине,
И в ней ты зришь Елисавет²²⁶.

Подобная система отражений, представленная в оде, позволяет говорить о том, что в современных автору монархах воплощается не просто Пётр I, но образ идеального правителя. Пётр же, играя роль великого предшественника правящих монархов, предстаёт как бы в роли первого — и самого великого — земного воплощения представления об идеальном

²²⁶ Майков В. И. Ода по восшествии Ее Величества на всероссийский престол, на день тезоименитства Ее 1762 года. С. 185.

монархе. Такое представление о правителе-демиурге, перевоплощающемся в разных ипостасях, в целом, характерно для мифогенной культуры имперского государства. Недаром символика, связанная с именем Петра, была воплощена в различных атрибутах имперской власти (чего стоит хотя бы установка «Медного всадника» в екатерининскую эпоху) и была призвана в определённом смысле обессмертить легендарного правителя в сознании подданных. Такая стратегия находит типологически схожие примеры в разных культурах. Эрнст Канторович, подробно описав различные политические и религиозные практики европейского средневековья, убедительно показал, что именно наличие вечной ипостаси государя является важным ключом к сакрализации монарха²²⁷. Одним из способов трансляции «вечного тела» монарха, согласно наблюдениям Канторовича, была династическая преемственность²²⁸. Сам же принцип многократного перевоплощения сакрального идеала монарха в земных «аватарах» — правителях государств, как видится, находит воплощение и в рассматриваемых одах. В связи с этим упоминание Полтавской победы носит вполне конкретный характер во всех случаях: она упоминается в ряду важнейших земных дел первого великого «аватара» — Петра — и служит образцом для дальнейших военных побед российских правителей.

Как мы увидели на примере представленных выше стихотворений, тема Полтавской победы присутствует в творчестве самых разных авторов в самых различных контекстах и представлена самыми разными способами, часто бегло и немногословно. Можно констатировать, что столь значимое военное событие российской истории XVIII в., богато представленное в торжественных панегириках Петровской эпохи, не повлекло за собой отдельно посвящённых ему произведений в середине и конце XVIII века (за исключением малоизвестной оды Хераскова 1751 г.). Впрочем, причины этого очевидны. Окаzionale природа панегирических жанров требовала

²²⁷ См.: Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М., 2015.

²²⁸ См.: Там же. С. 428–452.

освещения актуальных, современных автору общественно-политических событий, которые оттеснили события Северной войны на второй план. А такими событиями XVIII в., как известно, чрезвычайно богат. Любопытную параллель можно провести между бытованием полтавской темы в литературе и традицией празднования дня великой виктории, начало которому положил сам Пётр I. Е. А. Погосян пишет: «Годовщину Полтавы Пётр праздновал регулярно, однако устойчивой “идеологией” этой годовщины к 1718 году так и не сложилось: в одних случаях она оказывалась объединена с празднованием тезоименитства царя, в других — с торжеством по случаю военной победы или событиями дипломатического быта»²²⁹. День празднования Полтавской победы, как отмечает исследовательница, становится в один ряд с регулярными годовыми праздниками²³⁰. Схожим образом тема Полтавской победы в литературе с течением времени стала как бы необходимым дополнением к основной теме панегирического произведения — таким, упомянуть о котором требовали правила придворного литературного этикета.

Тема Полтавы в русской литературе середины и второй половины XVIII в. уходит в область героической истории. Повествование об этом событии подвергается максимальной редукции. Поэтический «полтавский шлейф» с характерными образами и мотивами, тянувшийся на протяжении всего развития русской литературы XVIII в., как оказалось, крайне беден. Образы льва, Геракла, Самсона и др. постепенно «отпадают» от полтавской темы в торжественной оде. Зародившаяся в одах Ломоносова традиция проводить параллели между датами Полтавской победы и рождения Елизаветы Петровны утратила актуальность с приходом к власти Екатерины II. Тем не менее, нельзя сказать, что события 1709 г. стали для русской литературы лишь минутной вспышкой на поэтическом небосклоне. Многочисленные образы, мотивы, мифологические аллюзии, возникшие

²²⁹ Погосян Е. А. Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 120.

²³⁰ Там же. С. 124.

в связи с Полтавской победой, не исчезли бесследно, а растворились в одической традиции XVIII в., войдя в фонд устойчивых метафор, сравнений и общих мест. В следующей главе работы мы проследим судьбу одного из ярких «полтавских» мотивов — мотива падения Фэтона.

ГЛАВА 3. ЖИЗНЬ ОДНОГО СЮЖЕТА ОТ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ ДО КОНЦА XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МИФА О ФАЭТОНЕ).

ЭКСКУРС

В отношении русской литературы XVIII в. миф о Фаэтоне не раз попадал в объектив внимания исследователей. Одним из первых на его функционирование в торжественной оде Ломоносова обратил внимание А. А. Морозов²³¹. Исследователь указывал на связь этого образа с богатой традицией западноевропейских эмблематических сборников. Л. О. Зайонц отмечает, что часто визуальный образ Фаэтона встречается в качестве элемента картуша на картах Петровской эпохи²³². Оба учёных обращались в первую очередь к стихотворениям Ломоносова, в которых за образом Фаэтона усматривается абстрактный образ врага (чаще всего — северного). Вместе с тем сюжет о падении Фаэтона не столь однозначен.

Напомним в общих чертах этот миф. Фаэтон, сын Гелиоса, выпросил у своего отца позволение править небесной солнечной колесницей, но кони Фаэтона отклонились во время поездки по небу от правильного направления и приблизились к Земле, отчего та загорелась. Богиня Гея взмолилась к Зевсу, и тот сразил Фаэтона молнией, и Фаэтон рухнул в реку Эридан и погиб.

В XVIII веке первое литературное упоминание сюжета о Фаэтоне нам удалось обнаружить в трактате Стефана Яворского «Рука риторическая» 1705 года, где миф о Фаэтоне иллюстрирует употребление аллегии. Приведём цитату:

«Еже ино речми, а ино разумом показывает, или еще некогда противно тако хотяй рещи: о возмущенном гражданстве можеши привести иносказание моря. [курсив автора — А. Т.] <...> Или о том же волнующесе гражданстве

²³¹ Морозов А. А. Паденье «Готфска Фаетонта». Ломоносов и эмблематика петровского времени // Československá rusistika. 1972. № 1. P. 23–27.

²³² Зайонц Л. О. «Балтийский» топос и формы его поэтической сублимации в русской оде // Антропология культуры. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 2005. С. 119–120.

хотяй рещи иносказание от возгорения. Сице, на прикладе: Не вем кий губителный фаэтон толика кругу российскому верже возгорения: в них же ничего разве пепела погибших, и искры сокрытыя, дымящихся градов ожидати подобаше, но прииде внезапно свои им возгорения укротит ель, иовишем без приговорства: да будет лет мне нареши тишайшаго монарха, иже перунами своего скоропарнаго орла: толика возгорения утоли неистовности, и пьянственную огнищъ обузда лютость, и яко дотимитанскаго творца изреку словеса Марсовыми обузда огнями огня»²³³.

Как можно заметить, в данном контексте Фаэтон представляет собой аллегория не внешнего, а внутреннего врага России — мятежников и руководителей восстаний. Что примечательно, немалое внимание в этой аллегории уделяется также образу правителя, представленного в виде Зевса (Иовиша), который тушит пожар народного бунта. Встречается упоминание Фаэтона и в проповедническом творчестве Стефана Яворского, где Фаэтон порицается за неуместную просьбу и неумеренность в желаниях (наравне с царём Мидасом): «Вспоминает подобное нечто и Овидий стихотворец о некоем глупом Фаэтонте, сыне солнцевом, якоже мняху древнии Еллини: но аз сего ныне воспоминати не хощу, понеже сия баснь всем вам известна, яко оный безразумный детищъ, услышав у отца сичевое обещание, да еже воспросит, даст ему; И егда отец обеща и утверди клятвою, начал просить Фаэтонт, дабы отец позволил ему на един день ездити в колеснице солнцевой по небу. Не мог преступити слова: даде златую колесницу, и огнистые кони вручи: но невежа младый отрок, понеже зле просил, не токмо себе погубил: понеже не могущий лошадей удержать, ниспаде с небесной высоты, но и весь мир неугасимым пожаром зажже»²³⁴.

Совершенно иной облик получает миф о Фаэтоне в связи с Полтавской победой 8 июля 1709 г. В этот период миф о Фаэтоне стал неотъемлемой

²³³ Риторическая рука, сочинение Стефана Яворскаго / пер. с лат. Федора Поликарпова. [СПб.], 1878. С. 42-44.

²³⁴ *Стефан Яворский*. Слово в неделю седмую по Святом Духе // Проповеди блаженныя памяти Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго и Муромскаго: В 3 ч. Ч. 1. М., 1803. С. 225-226.

частью в том числе внелитературного дискурса. Пожалуй, самым ярким его использованием знаменуется письмо Петра I к Ф. Ю. Ромодановскому по окончании битвы. Среди сухого и делового стиля письма возникает следующая фраза: «И единым словом сказать: вся неприятельская армия Фаетонов конец восприяла...»²³⁵. Именно здесь, насколько мы можем судить на сегодняшний день, образ падающего Фаетона начинает долгую историю связи с образом внешнего врага России. Осознанно или нет, вслед за Петром этот образ употребляет Феофан Прокопович в героической поэме «Епиникион», созданной также по случаю Полтавской победы. В цитате из поэмы можно видеть сравнение военного поражения шведского войска с падением Фаетона:

Позна величавый
Свей суетну бров быти гордины своя
И, поражен силою десницы твоя,
Аки с небес молнием, достиже злоравный
В конец Фаетоновой погибели равный²³⁶.

А. А. Морозов замечает, что образ Фаетона встречается у Феофана Прокоповича и ранее — в одном из разделов «Поэтики», где в качестве образца поэтического повествования Феофан приводит речь земли, сожжённой Фаетоном, из «Метаморфоз» Овидия²³⁷. Тем не менее, аллегория врага закрепляется за этим образом именно в «полтавской» поэме «Епиникион».

Обратимся теперь к ломоносовским примерам, прежде всего — к «Оде на прибытие... Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации»:

²³⁵ *Петр I*. К Федору Юрьевичу Ромодановскому // Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. Т. 9. Вып. 1 / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.; Л., 1950. С. 227–228.

²³⁶ *Феофан Прокопович*. Епиникион // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 213.

²³⁷ *Феофан Прокопович*. О поэтическом искусстве // Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 372.

Но что страны вечерни тмятся
И дождь кровавых капель льют?
Что финских рек струи дымятся
И доли с влагой пламень пьют?
Там, видя выше горизонта
Входяща готфска Фаетонта
Против течения небес
И вокруг себя горящий лес,
Тюмень в берегах своих мутится
И воды скрыть под землю тщится²³⁸.

В этом фрагменте описывается стратегическое поведение шведов в период русско-шведской войны 1741–1743 годов, шедших «против течения небес» — с запада на восток. Как видно, Ломоносов сравнивает военную акцию шведов с безумием Фаэтона, вводя перифразу «готфский Фаетонт», где под готами подразумеваются шведы.

В поле внимания исследователей не раз попадал также фрагмент из «Оды... Государыне Императрице Елисавете Петровне... на преславные Ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года»:

Где ныне королевско слово,
Что страшно воинство готово
На запад путь наш прекратить?
Уже окровавленна Прегла,
Крутясь в твоей земли, пробегла
Российску силу возвестить.
Там Мемель в виде Фаэтонта
Стремглав летя, нимф прослезил,
В янтарного заливах Понта

²³⁸ Ломоносов М. В. Ода на прибытие Ее Величества Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации. С. 87.

Мечтанье в правду претворил²³⁹.

В этом фрагменте описываются события восточнопрусской кампании русской армии в ходе Семилетней войны, а именно — Осада города Мемеля 5 июля 1757 г. Как можно заметить, имя Фаэтона здесь ассоциируется с падшим Мемелем, конкретно — с войском Фридриха II. Это, в частности, позволило Л. О. Зайонц сделать вывод о том, что в дальнейшем именем Фаэтона обозначается всякий северный противник России (то есть как шведы, так и немцы)²⁴⁰. Шведов обозначает и образ Фаэтона в фигурировавшей в предыдущей главе оде Хераскова, посвящённой Полтавской победе (примечательно, что миф в этой оде подан максимально детально):

Так быстрым бегом Фаетонта
Преобращен природы чин,
Когда превыше горизонта
Взосился солнцев гордый сын:
Как молния сверкал очами,
И видя звезды под ногами
Бессмертных волю презирал.
Сомненной путь его прервался,
Когда средь облак колебался
Сражен в кипящи волны пал²⁴¹.

Вместе с тем, хотелось обратить внимание на то, что дальнейшая судьба этого мифологического образа в русской поэзии не столь однозначна. Чтобы показать это, обратимся к фрагменту из «Оды... Государыне Екатерине Алексеевне... на 1764 год Января 1 дня» А. П. Сумарокова, где

²³⁹ Ломоносов М. В. Ода... Государыне Императрице Елисавете Петровне... на преславные Ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года // Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 152–153.

²⁴⁰ См.: Зайонц Л. О. Указ. соч. С. 120.

²⁴¹ Херасков М. М. Указ. соч. Л. 5.

утверждается готовность подданных империи постоять за честь родины в случае внешней угрозы:

А я с горяща горизонта.
Низпадша вижу Фаетонта
В когтях Российского орла
О! буди кто из нас готовый
Нам вождь Перикл, или Миннихъ новый,
На нуждны казни внешня зла!²⁴²

Как видно, здесь под образом Фаэтона подразумевается, по большому счёту, любой потенциальный враг России. Рональд Броон, комментируя сочинения Сумарокова, также отмечает тот факт, что Фаэтон приобретает устойчивое аллегорическое значение самонадеянного врага России²⁴³. Ещё более любопытным видится следующее сумароковское стихотворение — «Ода.. Екатерине Алексеевне... на день коронования Ея сентября 22 дня 1770 года»:

Державе, коя толь вредна,
Была по днесь Европе целой,
Предпишет суд и казнь, одна
Екатерина в мысли смелой.
Народы Европейских стран!
Пресильный вам поборник дан,
В лице великия богини:
И дерзновенный Фаетонт
Колелет тщетно горизонт,
Низринет рок ево: низрини!²⁴⁴

²⁴² Сумароков А. П. Оды... Государыне Екатерине Алексеевне... на 1764 год Января 1 дня // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 94.

²⁴³ Броон Р. [Комментарий] // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 273.

²⁴⁴ Сумароков А. П. Ода.. Екатерине Алексеевне... на день коронования Ея сентября 22 дня 1770 года // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 132–133.

Здесь речь идёт о будущей победе российской императрицы в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Под именем Фаэтона, соответственно, аллегорически подразумеваются турки. Именно туркам посвящены все дальнейшие случаи аллегорического употребления образа Фаэтона в творчестве Сумарокова. Приведём несколько примеров для наглядности:

Икар высокомерный тает,
Низвержен гордый Фаэтонт:
Екатерине соплетает,
Хвалу весь юг и гелеспонт.
Турецкий флот горит, дымится,
Трепещет море, небо тмится,
Земля колеблется, дрожит,
Врагам во страхе нет отрады,
Шумят леса, валяются грады,
К дунаю вспять везир бежит²⁴⁵.

(«Ода Ея Императорскому Высочеству... Наталии Алексеевне»)

Узрит россия пред собой,
Полтавско поле к обороне:
Низвержен будет фаэтонт,
Границ российских турк не тронет:
Или тронув падет, застонет:
Смутится паки гелеспонт²⁴⁶.

(«Ода Ея Императорскому Высочеству... Наталии Алексеевне...
на перьвый день 1774 года»)

Доколе порта не пребудет,

²⁴⁵ Сумароков А. П. Ода... Великой Княгине Наталии Алексеевне // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 171.

²⁴⁶ Сумароков А. П. Ода Ея Императорскому Высочеству... Наталии Алексеевне... на перьвый день 1774 года // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 183.

Екатерины не забудет
Византия и гелеспонт.
Стремленьем севера царицы,
С горящей солнца колесницы
Низвержен будет фаэонт²⁴⁷.

(«Ода Ея Императорскому Величеству... Екатерине Алексеевне...
на заключение мира с Портою Оттоманскою»)

Любопытным видится также случай использования имени Фаэтона
в «Оде на взятие Очакова» (1788 г.) В. П. Петрова:

Уа!.. Упали Фаэонты
Стремнистых с высоты оград!
Не в мягки, им подсланны, понты,
Стремглав упали в черный ад!²⁴⁸

Видно, что здесь имя Фаэтона (во множественном числе — Фаэонты)
приобретает форму казуальной антономазии для обозначения турок.

На основании этих данных можно сделать следующие заключения. При
работе с разным материалом исследователями неоднократно и справедливо
фиксировались отдельные аллегорические значения образа Фаэтона, однако
об эволюции этого образа, его аллегорической трансформации, как кажется,
до сих пор сказано не было. Будучи изначально аллегорией
внутрироссийской угрозы, благодаря реактуализации в год Полтавской
победы Фаэтон становится устойчивой аллегорией внешнего врага —
сначала шведов, затем германских стран в целом. Именно Полтавская победа
стала отправной точкой, с которой трансформированный в аллегорию
внешнего врага образ Фаэтона начал свой путь в русской литературе.
Практически с первых же «полтавских» текстов Фаэтон наделяется такими

²⁴⁷ Сумароков А. П. Ода Ея Императорскому Величеству... Екатерине Алексеевне... на заключение мира
с Портою Оттоманскою // Сумароков А. П. Оды торжественныя. Елегии любовныя. М., 2009. С. 187.

²⁴⁸ Петров В. П. Ода на взятие Очакова Декабря 6 дня 1788 года // Петров В. П. Сочинения: В 3 ч. Ч. 2. СПб.,
1811. С. 32.

качествами, как неумеренная гордыня и дерзость. За это время меняется и форма языкового выражения этого образа. От мифологической аналогии у Стефана Яворского образ Фазтона переходит к форме устойчивой аллегории (а в редких случаях принимает форму антономазии), прочно входя в поэтический язык XVIII века.

Причины, по которым этот образ не утратил своей актуальности на протяжении многих лет, заключаются главным образом в его периодической реактуализации в период частых войн и побед русского оружия. Однако помимо этого существует ещё одна причина популярности мифа о Фазтоне. Смирителем дерзновенного возмутителя спокойствия и спасителем выступает Зевс, под которым подразумевается правящий монарх. В начале бытования этого сюжета в русской литературе Зевс являлся обязательным его образом, поскольку миф передавался в деталях. С течением времени мифологический сюжет в литературе подвергся значительной редукции, однако наличие Зевса как высшей силы, охраняющей землю, вероятно, подразумевалось в нём имплицитно (точнее — его функцию как бы перенял образ правящего российского монарха). Таким образом, сюжет о падении Фазтона призван был не только показать поэтическую преемственность авторов, но и подчеркнуть силу правящего монарха, в связи с чем на протяжении XVIII века миф о Фазтоне в русской литературе оставался столь популярен.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА И МИФ О ПЕТРЕ I

Как нам удалось установить, полтавская тема в русской литературе на протяжении всего XVIII века оставалась актуальной. Тем не менее, она эволюционировала неравномерно. В Петровскую эпоху непосредственно Полтаве было посвящено несравненно больше произведений, чем в середине и конце века. В дальнейшем, не будучи основной темой произведений (за исключением единичной оды Хераскова), полтавская тема, тем не менее, остаётся частым элементом од, играя роль исторического фона для освещения актуальных для автора событий. Можно сказать, что упоминание Полтавской победы как легендарного триумфа прошлого становится атрибутом своеобразного одического этикета. При этом, как было продемонстрировано в главе 2, сюжет о Полтавской победе максимально редуцируется с течением времени, оставаясь лишь в форме отдельных слов-ключей: «Полтава», прилагательное «полтавский», обстоятельство места «под Полтавой» и т. п. Многократно упоминаясь в одах, отходя в исторический «фонд» русской культуры, сюжет о Полтавской победе приобретал черты национального мифа — неотъемлемого компонента национальной и политической идеологии государства.

Приведённые в предыдущих главах примеры демонстрируют, что чаще всего образ Полтавской победы упоминался в контексте разговора о героическом прошлом Российского государства или его великого строителя — Петра I. Этот факт, а также обильное использование в произведениях на полтавскую тему мифологических образов и реминисценций, позволяет говорить о том, что Полтавская победа сама прочно вошла в мифологический «фонд» русской культуры к концу XVIII в. К ней обращались как к героическому прошлому славной истории, как к мифологизированному «началу» славных военных подвигов Российской империи²⁴⁹. В связи с этим уместным видится рассмотреть сюжет о Полтаве

²⁴⁹ См. о путях формирования полтавского мифа в русском сознании: *Анисимов Е. В.* Миф великой виктории:

именно как миф. Мирча Элиаде в ряду неотъемлемых компонентов мифа выделял нарратив о подвигах сверхъестественных героев²⁵⁰. В героических панегириках и торжественных одах XVIII века, как было показано в предыдущих главах, мифологизируется фигура Петра, предстающего в образах Самсона, Геракла и других героев древних мифов, а связь со сверхъестественными силами не раз подчёркивается при изображении Божьей помощи Петру. Кроме того, одной из составляющих мифологической культуры Элиаде называет непосредственное воздействие на аудиторию: «так или иначе миф “проживается” аудиторией, которая захвачена священной и вдохновляющей мощью воссозданных в памяти реактуализированных событий»²⁵¹. Наглядно иллюстрирует этот принцип, прежде всего, церковная служба о Полтаве в начале XVIII в. Риторические приёмы, используемые проповедником, непосредственно направлены в ней на достижение эффекта «проживания» прихожанами этого исторического события, актуализации его в коллективной памяти, с целью чего проповедник использует соответствующие выражения («приходит мне на память», «вспоможем же славную победу» и др.) и другие механизмы воздействия на аудиторию. Из церковной службы как практики коллективного чувствования эти элементы перекочевали в оду, где апелляция к коллективной памяти о славной победе также играет существенную роль.

Развитие русской культуры, как показывает история, происходит резкими рывками, между которыми долгие годы тянутся эпохи застоя. Каждый период очередного рывка характеризуется, помимо социально-экономических потрясений, культурным сломом в обществе, сдвигом мировоззренческой парадигмы. Это способствует актуализации мифогенного начала эпохи очередного водораздела истории, когда рушатся устоявшиеся мировоззренческие категории и ориентиры. В этот период культура перестаёт мыслить рационально и начинает осмыслять происходящее

Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. 2009. № 7. С. 50–55.

²⁵⁰ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 28.

²⁵¹ Там же.

мифологическими концепциями, что отмечал, в частности, Эрнст Кассирер²⁵².

Здесь мы имеем дело не с мифом в чистом виде, а с так называемым политическим мифом. Приведём фрагмент статьи «Миф политический» из «Новой философской энциклопедии»: «Миф политический — превращённая форма политического сознания, в котором знание и понимание фактов смешивается с образами, символами, вымыслами, легендами и верой в них. <...> В отличие от классического политический миф характеризуется применительно к актуальной политике, включая и его трансцендентные виды (легитимацию политики и власти волей Провидения, народа, историей, их специфическими качествами, как, напр., их особые цели, высшие задачи, мудрость и непогрешимость и. т. п.); политический миф рационализируется средствами направленного внушения (пропагандой, содержанием соответствующей идеологии) и самим массовым сознанием, стремящимся воспринимать миф как истину (форма морфологического познания); политический миф может возникать стихийно, как выражение тяги к возвышающей силе, к утешению (память о героическом прошлом и др.), но чаще создаётся и распространяется целенаправленно и используется как эффективное средство политики; такой миф возникает в индивидуальном сознании и затем коллективизируется, превращаясь в факт общественного сознания»²⁵³. Говоря о мифе в контексте настоящей работы, обозначим, что под мифом мы понимаем именно политический миф, основная функция которого — интегративная. Политический миф призван быть сакральной историей, консолидирующей вокруг себя общность людей. Эта общность может иметь разные формации и масштабы. В классической антропологии принято рассмотрение функций мифа на примере первобытной общины, в государственных же масштабах эта общность может быть названа нацией. Поскольку мы имеем дело с мифом государственного значения, в рамках настоящей работы уместным видится говорить о том, что основной функцией

²⁵² См.: Cassirer E. *The Myth of the State*. New Haven, 1946.

²⁵³ Кравченко И. И. Миф политический // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 2. Е-М. М., 2010. С. 580–581.

мифа о Полтаве является поддержание сакрального для государства института — института монархии, обеспечивающего единство и процветание нации Российской империи. Кроме того, исследователи часто обращают внимание на функциональную направленность мифа, заключающуюся в объяснении и поддержании существующего миропорядка. «Миф объясняет и санкционирует существующий социальный и космический порядок в том его понимании, которое свойственно данной культуре, миф так объясняет человеку его самого и окружающий мир, чтобы поддерживать этот порядок; одним из практических средств такого поддержания порядка является воспроизведение мифов в регулярно повторяющихся ритуалах»²⁵⁴, — пишет Е. М. Мелетинский. В данном случае — в контексте имперского дискурса — миропорядком, который санкционирует и поддерживает миф, является имперский государственный конструкт, идеальная модель монархии, воплощённая на земле в образе Российской империи.

Как уже было сказано, центральной фигурой российского имперского мифа является Пётр I. Культ личности Петра пронизан, пожалуй, весь XVIII в. и все сферы искусства того времени. Литература не является здесь исключением. Так как в сфере литературы говорить о любом явлении приходится лишь с опорой на конкретные художественные тексты конкретных авторов, уместным видится в рамках настоящей работы воспользоваться термином «поэтические мифологии». Т. Е. Абрамзон даёт следующее определение этому явлению: «Поэтические мифологии — это системы коллективных представлений, заключенные в формах индивидуального словесного творчества, связанные с соответствующими им культурными практиками (в том числе с сакральными и светскими ритуалами), образующие особую картину мира, опирающиеся на истинность данной модели миропорядка, порождающие интерпретации явлений истории и современной жизни в соответствии с основополагающими концептами

²⁵⁴ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 2000. С. 169–170.

данной системы представлений»²⁵⁵. На представленном в работе материале продемонстрировано, как элементы мифа о Петре преломляются в поэтических мифологиях отдельных авторов и, насыщенные новыми смыслами, вновь становятся общими местами культуры XVIII века. Абрамзон описывает весьма близкие теме настоящей работы явления: «...заимствованные концепты, образы, символы, сюжеты (и т. п.), насыщенные в творчестве данного автора новыми значениями, поступают обратно в современную культуру в качестве не индивидуальных открытий, а общих мест, порождающих в своей совокупности не индивидуальную, а коллективную культурную мифологию, использующую эти общие места в свободной интерпретации»²⁵⁶. Одним из таких элементов — элементов большого мифа о Петре I, пронизывающем насквозь едва ли ни всю придворную поэзию XVIII в. — является сюжет о Полтавской победе. Рассматривать этот сюжет изолированно от «большого» мифа о Петре не представляется возможным, поэтому в рамках настоящей работы нами затронут образ Петра в целом. В то же время, пожалуй, именно Полтавская победа стала одним из ключевых, переломных моментов в деятельности первого российского императора и стала одним из главных эпизодов русской коллективной памяти XVIII века, о которой было сказано выше.

Обращение к общим для коллективной памяти элементам было описано французским историком Пьером Нора и получило название «мест памяти»²⁵⁷. Согласно Нора, «места памяти», необходимые для подчёркивания единства нации, являются своеобразным «мостом» от настоящего к прошлому, актуализируя коллективную память нации о знаменательных событиях истории. Исследователь разработал концепцию «мест памяти», основываясь на современных представлениях об угасшем, в силу исторических обстоятельств, величии нации. Как видится, концепция «мест

²⁵⁵ Абрамзон Т. Е. С. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин: Автореф. дисс... д. филол. наук. М., 2007. С. 6.

²⁵⁶ Там же. С. 5–6.

²⁵⁷ См.: Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 17–50.

памяти» применима и к данному материалу, так как память о событиях героического прошлого является неотъемлемой составляющей мифологического мировидения.

В связи с этим уместным видится отметить ещё одну роль мифологии в русском XVIII в. Укрепление абсолютистской системы и самодержавного государственного аппарата, усиление имперского начала Российского государства требовало наличия определённой идеологии-памяти, способной консолидировать нацию как общество подданных. Для имперского дискурса в принципе характерны мифологические черты, причём возникшие не естественным путём, а сформированные искусственно. В. Н. Барышников, Б. П. Заостровцев и А. И. Филюшкин пишут об искусственно конструируемых имперским официозом новых «мест памяти»: «При имперском режиме актуальна идеология-память, которая размечает, что в прошлом достойно упоминания и даже восхваления, что служит ориентиром, а что является ступенькой в будущее»²⁵⁸. Вовлечённые в политическую деятельность (а зачастую и откровенно ангажированные) русские авторы первой трети XVIII в., упоминая Полтавскую победу в своих сочинениях, напрямую участвовали в создании имперского мифа о новой России — ведомой рукой первого императора. Их литературные преемники — писатели середины и конца XVIII в. — унаследовали эту парадигму изображения имперского героического мифа, поскольку сама их поэзия (в особенности — жанр торжественной оды) была явлением официальной придворной культуры. Многочисленные упоминания Полтавской победы в панегирической поэзии начиная с 1740-х годов поддерживали основной героический миф имперского дискурса, большое значение в котором имел сюжет о легендарной победе над иноземным захватчиком, представленном в виде злых сил. Содействовала мифологизации Полтавы и информационная политика самого Петра.

²⁵⁸ Барышников В. Н., Заостровцев Б. П., Филюшкин А. И. Империя, память и «места памяти» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2011. № 3. С. 84.

По словам А. Б. Каменского, «вскоре после битвы Пётр взял под контроль всю информацию относительно этого события, и вскоре была создана официальная и безоговорочная версия сражения. <...> Единственными источниками информации были официальные извещения Петровской эпохи или панегирические сочинения» [пер. с англ. мой — А. Т.]²⁵⁹.

Мифологизированный сюжет о Полтавской победе практически всегда является составной частью мифа о Петре I — правителе-реформаторе, строителе нового государства и освободителе от врагов. В мировой культуре этот миф не уникален. Типологически схожие сюжеты о великих правителях древности можно найти в истории многих народов мира: таков король Артур для бриттов, Чингисхан для монголов и тюрков, Скандербег для албанцев и т. д. Справедливым в данном случае будет замечание, что правителей эпохи средневековья не вполне корректно сравнивать с российским императором Нового времени. Тем не менее, период правления Петра I видится уместным охарактеризовать как мифогенную эпоху в истории русской культуры, что позволяет провести типологические параллели между ней и эпохой средневековья. Мифогенной эта эпоха стала вследствие насильственного слома старой культурной парадигмы, утверждения пафоса строительства нового, а также стремительного укрепления государственной власти и бурной внутренней и внешней политики.

Мифологическое начало было свойственно природе имперской власти во все периоды её существования. В. Ю. Проскурина справедливо замечает на этот счёт: «Имперская идея, как двуликий Янус, была всегда обращена в две стороны, одна из которых соотносилась с рациональным началом (реальная политика, геополитические интересы, экономические выгоды), а другая — с иррациональным. Иррациональный субстрат был обращен к прошлому — к династическому мифу, к переписыванию истории, к переигрыванию былых и чужих побед и поражений, к перенесению столиц,

²⁵⁹ *Kamenskii A. The Battle of Poltava in Russian Historical Memory // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4. P. 199.*

переименованию городов, к адаптации старых титулов, эмблем, геральдики. <...> Империя узнает и осознает себя только в зеркале прошлого, на фоне имевших место событий и артефактов. Грядущее господство над другими странами вырабатывается на еще старой карте — идя вперед, империя неизбежно оглядывается назад, неся с собой в будущее универсальные фантомы и химеры, наследницей которых она поневоле становится»²⁶⁰. В представленной работе было показано, как Полтавская победа, неоднократно упоминаемая в официальном имперском дискурсе, приняла на себя роль великой победы прошлого в русской панегирической литературе от Петровской эпохи до рубежа XVIII–XIX веков.

²⁶⁰ *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М., 2006. С. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОДА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ
ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ
ПЕТРОВНЕ САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ СОЧИНЕННАЯ
НА ТОРЖЕСТВЕННОЕ ВОСПОМИНОВЕНИЕ ПОБЕДЫ ПЕТРА
ВЕЛИКОГО НАД ШВЕДАМИ ПОД ПОЛТАВОЮ, КОТОРУЮ
УСЕРДНЕЙШЕ ПРЕПОДНОСИТ ВСЕПОДДАННЕЙШИЙ РАБ МИХАЙЛО
ХЕРАСКОВ. ПЕЧАТНА В САНКТ-ПЕТЕБУРГЕ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК ИЮНЯ 26 ДНЯ 1751 ГОДА

Уже в горящей колеснице
С весельем седши Аполлон,
От волн течет во след зарнице,
Стирая с глаз приятный сон.
В сей день к веселью возбуждает
В Полтавской брани на полях,
Где Шведска кровь, лиясь ручьями,
Мешалась с Днепрскими струями,
Наводит им всегдашней страх.

Но о! Латоны сын прекрасный
Светило чувственных очей,
Весельем радости согласной
Сугубо дневный свет пролей;
И пламенных коней направля
Теки в свой путь, день брани славя,
Где Вышний смертным власть являл,
Противных дерзость разрушая,
Свои щедроты проявляя,

Петра победою венчал.

Сей день блаженныя отрады,
Когда в победах Петр блистал,
И от врагов смущенны грады
Любя Россию защищал;
Когда мой дух воспоминает,
В себе отрады не вмещает,
Желанья смысл превозмогли.
Вы бурны ветры ударяйте,
И шумом глас мой повторяйте,
Промчите слух по всей земли.

Что власть бессмертных презирая
Страшил вселенну Полифем,
Леса и горы низвергая
Потряс во гневе твердь своею:
Так Швед пред светом возносился,
В концы вселенныя стремился,
Попрять весь мир меча грозой.
Он грады в пепел превращает,
Моря и реки протекает
И мнит подвигнуть твердь собой.

Врагами Карл ожесточенный
До звезд возвысив славу дел,
С конца пространныя вселенной
На север грозный взор возвел,
Россию зрит в странах прекрасну
И в тишине Петру подвластну,

Вспален безумством браней злых
Грозит попать народ спасенный,
Направив мысли возмущенны
Противу меры сил своих.

Подвергнув скиптру всю вселенну,
Смущенный Карл гордясь вещал,
Введу в Штокгоlm Россию плену,
И там поставлю в знак похвал;
Сии дела, что в свете громки,
Чтоб знали впредь мои потомки,
Во храмах видя чудеса
Во славу дел изображенны,
Что мною Россы низложены
Низверглись горы и леса.

Но Бог сей гордый глас внимая
С злочестьем преступных слов,
Советы гордых разрушая,
Мятет противну мысль врагов,
Склонил к земли верьхи небесны,
И силы смертным неизвестны,
Простерши Россов Сам хранит,
Петра к победе вооружает,
Своей рукою путь являет
В поля, где Швед свои <sic!> полки крепил.

Как ниву шумный вал терзает,
Когда с горы река течет,
Плоды с полей лиясь снедает,

И лес подъяв с бугра влечет:
Так враг забыв Творца стремится,
С ужасным воплем в север мчится,
В конец Россиян растерзать;
С веселием вбежал в Полтаву,
И тамо мнил: воздвигнув славу
Россией вскоре обладать.

Внезапный ужас сей предстали
Пред оных Росские полки,
Оружия красой блистали
Как влага чистыя реки;
Пред войском Петр одеян славой
Грядет с военною державой,
Как в день веселия на брак;
Зевес ему свой гром вручает,
Он бурны вихри укрощает,
Являя силы Росской знак.

Тогда возвел свою зеницу
С полей Полтавских грозный Швед,
И Россов зря простер десницу,
Умножить в них число побед;
В безмерной ярости стремится,
Как лютый Тигр на стадо злится
Невинных агнцов растерзать,
Прехищный пламень отрыгает,
Луну и солнце помрачает
Стремясь мечем весь мир попать.

От страшных звуков твердь трепещет,
Когда подземной власти гнев
Из недр огонь и пепел мещет,
И в Етну испускает рев;
Но злейший гнев был в Шведе дерском,
Когда поля наполнив блеском,
В дыму сверкающих мечей,
С Российским воинством сражался,
И вопль по свету раздавался
В крови поверженных людей.

Угрюмы тучи набежали,
От коих свет померк лучей;
Поля и горы встрепетали,
И в ужасной премене сей
Натура власно превращалась,
И твердь в стихии разделялась
Явить странам кончину дней,
Где вихрь крутясь поля терзает,
И с флотом волны воздвигает
До облак яростный борей.

Един во славе Петр там блещет
Как молния с мечем своим,
Ужасный гром на Шведов мещет,
И с оным Бог являлся им
Противу силы их грядущий,
И помощь Россам подающий,
Крушит лехко упорность их.
Победой Шведы уstraшенны

Терзались в сей напасти пленны,
Предвидя казнь отваг своих.

Так быстрым бегом Фаетонта
Преобращен природы чин,
Когда превыше горизонта
Вносился солнцев гордый сын:
Как молния сверкал очами,
И видя звезды под ногами
Безсмертных волю презирал.
Сомненной путь его прервался,
Когда средь облак колебался
Сражен в кипящи волны пал.

В толикой горести жестокой
Смущенный Швед во мгле рыдал,
Когда сражен с горы высокой
В бою рукой Петровой пал,
Во мрак низвергнувшись терзался,
Их плачь стенаньем прерывался
От бедствия во брани сей,
Где Петр врагам являл геройство,
И в свете утвердив спокойство
Отгнал боязнь ужасных дней.

Какую чувствовал отраду
Тогда спасенный мир Петром,
Как страшную низверг громаду
Из рук Его блеснувший гром;
Пред оным вихри укрощались,

Моря к вершинам обращались,
Борей в пучины дуть не смел;
Едина смерть пред ним алкала,
Когда свирепость отрыгала,
И в след за нею Петр пошел.

Россия бедством омраченна
Рыдала в тот жестокий час,
Когда судьба ожесточенна
Отъяла в век Петра от нас:
Екатерину зря к отраде
Стоящую в Петровом граде
На месте горести своей,
Где гроб слезами омывала,
И с плачем жалостно вздыхала
Лишенная отрады всей.

Но вечность славы незабвенной
Дела вместила в небесах,
Парнас, весельем окруженной,
В пресветлых видел облаках
Петра на небесах грядуща,
Рукою ветвь с мечем несуща
Безсмертныя победы в знак;
С весельем музы провождали,
И светлы лики восприяли,
На небеса священный зрак.

О! коль преславно осветился
Кончины сей блаженный час,

Коль праведно почтить стремился
Петра в великий день Парнас;
Тобой низвержен враг противный,
Ты ревностию силы дивной
Превыше звезд себя вознес;
Тобой от бедства мир избавлен,
Ты будешь в веки препрославлен,
Наследуй царствие небес.

Восстань из недр земных, являйся
К отраде ревностный Гомер,
Российским лавром увенчайся,
И нашей славы взяв пример
Представь в Полтаве горду Трюю
И в честь Российскому Герою
На Лире с пышностью зыграй;
Умножь врагов Троянам новым,
Что пали под мечем Петровым,
И тем отвагу их карай.

А ты божественная Муза
Приятство нежных лир устрой,
И день дражайшаго союза
В приятном пении воспой,
Сей день веселием венчая,
Воспой вселенну наслаждая,
Елисавету в мирный день;
Когда спокойство возвратила
И тишину возстановила,
С сердец согнала мрачну тень.

Но что веселый глас пронзает
В сей час толь сладостно мой слух,
Какая радость наслаждает
К желанью устремленный дух:
Се зрю Парнас преукрашенный,
Сладчайших муз собор священный
С отрадой в друг очам предстал;
Там в круг струи Кастильски <sic!> льются,
И с шумом гласы раздаются
Елисаветиных похвал.

С весельем музы возгласите
Хвалу вселенной посвятив,
Грядущей славы день почтите,
Что Бог Россию возлюбив
Петра явил с Екатериной,
Весельем радости единой
Сей день сугубо увенчать,
Ты муза дав отраду миру
Прими сию гласящу лиру,
И в честь Петру потщись разыграть.

Предведущая Урания
Предстань с ночью тишиной,
И к вечности красы земныя
В теченьи ряд планет устрой,
Украшив Росскую державу,
Дела Петровы в вечну славу
Подняв на твердь, вмести в Ефир;
Чтоб брани день сиял пред нами,

Как в ночь луна между звездами,
Доколе сей пребудет мир.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

- 1) *Богданович И. Ф.* Стихотворения и поэмы / подг. текста и прим. И. З. Сермана. Л.: Советский писатель, 1957. 257 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
- 2) История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого): В 2 вып. М.: Кругъ, 2004.
- 3) *Державин Г. Р.* Сочинения: В 3 т. / прим. Я. К. Грота. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1865.
- 4) Из Полтавы, от 30 Июня // Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета. 1811. № 57. Среда. 19 июля. [Ненум.].
- 5) *Иоанн Максимович.* Синаксар в честь и славу Господа Бога Саваофа на великолепное прославление... Петра Алексеевича... о преславной победе, Его Царскаго Священнейшаго Величества Богом дарованной над прегордым Свейским Королем и над всем его воинством на генеральной баталии бывшей под Полтавою. Чернигов: [Б. и.], 1710. 45 л.
- 6) *Капнист В. В.* Избранные произведения / вступ. статья Г. В. Ермаковой-Битнер; подг. текста и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер и Д. С. Бабкина. Л.: Советский писатель, 1973. 615 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
- 7) *Ломоносов М. В.* Избранные произведения / вступ. статья, сост., прим. А. А. Морозова. Л.: Советский писатель, 1986. 558 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
- 8) *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений: В 10 т. / под ред. С. И. Вавилова и Т. П. Кравца. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953–1965.
- 9) *Майков В. И.* Избранные произведения / вступ. статья, подг. текста и прим. А. В. Западова. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 509 с. (Библиотека поэта. Большая серия).
- 10) *Муравьев М. Н.* Стихотворения / вступ. статья, подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой. Л.: Советский писатель, 1967. 386 с. (Библиотека поэта.

Большая серия).

11) Панегирическая литература петровского времени / подг. В. П. Гребенюка; под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979. 331 с.

12) *Петр I*. К Федору Юрьевичу Ромодановскому // Письма и бумаги императора Петра Великого: В 13 т. Т. 9. Вып. 1 / под ред. Б. Б. Кафенгауза. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. С. 227–228.

13) *Петров В. П.* Сочинения: В 3 ч. СПб.: Медицинская типография, 1811.

14) Поэты XVIII века: В 2 т. / сост. Г. П. Макогоненко, И. З. Сермана; подг. текста и прим. Н. Д. Кочетковой. Л.: Советский писатель, 1972. (Библиотека поэта. Большая серия).

15) Проповеди блаженные памяти Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского: В 3 ч. М.: Синодальная типография., 1803–1805.

16) Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727): историко-литературный материал из эпохи преобразований / изд. Е. В. Петухов. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901. 676 с.

17) Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. // ОР РГБ. Ф. 173. Оп. 2. Ед. хр. 112. 192 л.

18) Риторическая рука, сочинение Стефана Яворского / пер. с лат. Феодора Поликарпова. [СПб.]: [Изд. Общества любителей древней письменности], 1878. 104 с.

19) Слово, говоренное Преосвященным Феофаном, Епископом Полтавским и Переяславским, в Полтавском Успенском Соборе, при открытии монумента в память победы над Шведами, 1811 года, Июня 27-го дня // Полтавския епархиальные ведомости. 1863. № 13. Т. 2. С. 3–8.

20) *Сумароков А. П.* Оды торжественныя. Елегии любовныя / под ред. Р. Вроона. М.: ОГИ, 2009. 840 с.

21) *Стефан Яворский*. Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший, то есть, Петр Первый Император всероссийский, шведскаго короля со всем воинством лета Господня 1709 года июня 27 преславно победивший // Труды

Киевской духовной академии. 1875. Т. 3. С. 486–505.

22) *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою / подг. изд. Н. Ю. Алексеевой; отв. ред. С. И. Николаев. СПб.: Наука, 2009. 676 с.

23) *Феофан Прокопович.* Сочинения / под ред. И. П. Еремина. Л.: Наука, 1961. 506 с.

24) *Феофилакт Лопатинский.* Служба благодарственная на день Полтавской победы // ОР РГБ. Ф. 905. Оп. 2. Ед. хр. 425. 34 л.

25) *Херасков М. М.* Ода Ея Императорскому Величеству Всепресветлейшей Державнейшей Государыне Императрице Елисавете Петровне Самодержице Ввсероссийской сочиненная на торжественное воспоминовение победы Петра Великого над шведами под Полтавою, которую усерднейше преподносит всеподданнейший раб Михайло Херасков. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1751. 8 с.

Научная литература

1) *Абрамзон Т. Е.* Миф о Петре I в поэзии М. В. Ломоносова: историческое и мифологическое в образе царя-реформатора // Проблемы истории, филологии, культуры. 2006. № 16–2. С. 232–240.

2) *Абрамзон Т. Е.* Одические амплуа Петра Великого в мифологии власти А. П. Сумарокова // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 13. СПб.; Самара: НТУ, 2007. С. 122–132.

3) *Абрамзон Т. Е.* С. Поэтические мифологии XVIII века: Ломоносов, Сумароков, Херасков, Державин: Автореф. дисс... д. филол. наук. М., 2007. 48 с.

4) *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

5) *Адрианова-Перетц В. П.* Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. 188 с.

6) *Алексеева Н. Ю.* Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII

веках. СПб.: Наука, 2005. 369 с.

7) *Анисимов Е. В.* Миф великой виктории: Полтава в русском сознании и коллективной памяти // *Родина*. 2009. № 7. С. 50–55.

8) *Барышников В. Н., Заостровцев Б. П., Филюшкин А. И.* Империя, память и «места памяти» // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История*. 2011. № 3. С. 84–88.

9) *Бахмутский В. Я.* На рубеже двух веков // *Спор о древних и новых*. М.: Искусство, 1985. С. 7–40.

10) *Буланин Д. Л.* Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI веков. München: Otto Sanger, 1991. 465 с.

11) *Бухаркин П. Е.* История русской литературы XVIII века (1700–1750-е годы): учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 488 с.

12) *Бухаркин П. Е.* Торжественное красноречие петровской эпохи: барочное слово между Церковью и Империей // *Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 19–32.

13) *Бучневич В. Е.* Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава: Типо-литография Губернского правления, 1902. 459 с.

14) *В. П.* Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // *Труды Киевской духовной академии*. 1874. Т. 3. С. 72–84.

15) *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. Сб. 7. Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР П. Н. Беркова. М.; Л.: Наука, 1966. С. 43–46.

16) *Гончарова И. Е.* Медаль в память // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 1999. № 6. С. 331–333.

17) *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927. 214 с.

18) *Гуськов Н. А.* Ода «На государя Петра Великого»: к вопросу

о формировании одической поэзии А. П. Сумарокова // *Окказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века*. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 148–195.

19) *Живов В. М.* Литературный язык и язык литературы // *Russian Literature*. 2002. Vol. 52. Issues 1–3. P. 1–53.

20) *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // *Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры*. М.: Языки славянских культур, 2002. С. 461–531.

21) *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог (семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // *Успенский Б. А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 205–337.

22) *Зайонц Л. О.* «Балтийский» топос и формы его поэтической сублимации в русской оде // *Антропология культуры*. Вып. 3. К 75-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М.: Новое издательство, 2005. С. 118–138.

23) *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд. Института Гайдара, 2015. 752 с.

24) *Клейн И.* Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века // *Slověne*. 2018. № 1. С. 174–210.

25) *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Часть IV // *Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. Т. 4*. М.: Мысль, 1989. 398 с.

26) *Кнабе Г. С.* Русская античность: Содержание, роль и судьба античного наследия в культуре России. М.: РГГУ, 2000. 238 с.

27) *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л.: Наука, 1974. С. 50–80.

28) *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие

- поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.
- 29) *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Л.: Наука, 1982. 343 с.
- 30) *Люстров М. Ю.* Война и культура: Русско-шведские литературные параллели эпохи Северной войны. М.: РГГУ, 2012. 328 с.
- 31) *Макаров В. К.* Художественное наследие М. В. Ломоносова. Мозаики. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. 312 с.
- 32) *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб.: Факультет филологии и искусств, 2009. 140 с.
- 33) *Матонин В. Н., Бедина Н. Н.* «Служба благодарственная о великой победе, содеянной под Полтавой»: исторические сюжеты и барочные литературные формы в традиционном богослужебном тексте // Идеи и идеалы. 2019. № 3. Ч. 1. С. 180–193.
- 34) *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»).
- 35) *Михайлов А. В.* Методы и стили литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 176 с.
- 36) *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л.: Наука, 1980. 264 с.
- 37) *Морозов А. А.* Метафора и аллегория у Стефана Яворского // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л.: Наука, 1971. С. 35–44.
- 38) *Морозов А. А.* Паденье «Готфска Фаетонта». Ломоносов и эмблематика петровского времени // *Československá rusistika*. 1972. № 1. Р. 23–27.
- 39) *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1880. 402 с.
- 40) Музыка на Полтавскую победу / сост., публ., исслед. и комм. В. В. Протопопова. М.: Музыка, 1973. 253 с. (Серия «Памятники русского

музыкального искусства»).

41) *Николаев С. И.* Литературная культура Петровской эпохи. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 149 с.

42) *Николаев С. И.* О культурном статусе польского языка в России во второй половине XVII — начале XVIII века // *Русская литература.* 2015. № 2. С. 132–138.

43) *Нора П.* Проблематика мест памяти // *Франция-память.* СПб.: СПбГУ, 1999. С. 17–50.

44) *Одесский М. П.* Очерки исторической поэтики русской драмы. Эпоха Петра I. М.: РГГУ, 1999. 238 с.

45) *Орлов А. С.* Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Изд. Имп. об-ва истории и древностей российских при Моск. Ун-те, 1902. 50 с.

46) *Павловский И. Ф.* Полтава в начале XIX века: В 3 вып. Вып. 3. Генерал-губернаторство князя А. Б. Куракина (1802–1808 гг.). Киев: Тип. Имп. Ун-та Св. Владимира, 1902. С. 111–318.

47) *Панегирическая литература петровского времени* / подг. В. П. Гребенюка; под ред. О. А. Державиной. М.: Наука, 1979. 311 с.

48) *Панов С. И., Ранчин А. М.* Торжественная ода и похвальное слово Ломоносова: общее и особенное в поэтике // *Ломоносов и русская литература.* М.: Наука 1987. С. 175–189.

49) *Панофски Э.* Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.

50) *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом: В 2 т. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1862.

51) *Погосян Е. А.* Восторг русской оды и решение темы поэта в русском панегирике 1730–1762 гг. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1997. 156 с.

52) *Погосян Е. А.* «Да не молчаливи будем... Радость не терпит в нас молчания» (К семантике триумфа в петровскую эпоху) // *Тартуские тетради.*

М.: ОГИ, 2005. С. 237–252.

53) *Погосян Е. А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб.: Искусство — СПб, 2001. 423 с.

54) *Погосян Е. А.* Сад как политический символ у Ломоносова // Труды по знаковым системам. Т. 24. Тарту: Тартуский университет, 1992. С. 44–57.

55) *Проскурина В. Ю.* Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 328 с.

56) *Пумпянский Л. В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. [Вып.] 4/5. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1939. С. 91–124.

57) *Сазонова Л. И.* От русского панегирика XVII века к оде М. В. Ломоносова // Ломоносов и русская литература. М.: Наука, 1987. С. 103–126.

58) *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Сочинения Ю. Ф. Самарина: В 12 т. Т. 5. М.: Д. Самарин, 1880. 464 с.

59) *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX в. М.: Изд. Моск. Университета, 1955. 693 с.

60) *Соколов Р. А.* Александр Невский в государственной и церковной идеологии в 1710–1720-е годы // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Т. 24. № 3. С. 18–24.

61) *Трофимов А. Е.* Многоязычие в литературной культуре Петровской эпохи: «Епиникион» Феофана Прокоповича // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 4. С. 335–353.

62) *Трофимов А. Е.* Употребление античных и библейских имён в «Слове похвальном о преславном над войсками свейскими победе» Феофана Прокоповича // Литературная культура России XVIII века. Вып. 8. СПб.: Геликон Плюс, 2019. С. 7–18.

63) *Тынянов Ю. Н.* Ода как ораторский жанр // Тынянов Ю. В. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 227–252.

64) *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии.

М.: ОГИ, 2002. 608 с.

65) *Флеров А.* Разбор «Слова о победе под Полтавой в 1709 году» Стефана Яворского // Филологические записки. 1896. Вып. 3. С. 29–42.

66) *Фрейденоберг О. М.* Система литературного сюжета // Монтаж: литература, искусство, театр, кино. М.: Наука, 1988. С. 216–236.

67) *Хотеев П. И.* О редком издании оды Ломоносова 1741 года («Первые трофеи Его Величества Иоанна III...») // Хотеев П. И. Статьи разных лет о Ломоносове. СПб.: БАН, 2019. С. 43–46.

68) *Чистович И. А.* Феофан Прокопович и его время. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1868. 762 с.

69) *Щеглова С. А.* Вірші про Мазепу, складені після його «зради» // Записки українського наукового товариства в Києві. 1927. Т. 21. С. 82–111.

70) *Элиаде М.* Аспекты мифа. М.: Академический Проект, 2010. 251 с.

71) *Brogi Bercoff G.* Poltava: A Turning Point in the History Preaching // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4. P. 205–226.

72) *Cassirer E.* The Myth of the State. New Haven: Yale University Press, 1946. 303 p.

73) *Kamenskii A.* The Battle of Poltava in Russian Historical Memory // Harvard Ukrainian Studies. 2009. Vol. 31. № 1/4 P. 195–204.

74) *Kroll W.* Poeta laureatis Stefan Jaworski i emblematyka // Terminus. 2018. Т. 20. № 2. P. 195–253.

75) *Ivanov V., Toporov V.* Le mythe indo-europeen du dieu de l'orage poursuivant le serpent: reconstruction de schema // Echanges et communications. Melangés offerts a C. Lévi-Strauss a l'occasion de son 60eme anniversaire. Т. 2. The Hague; Paris: Mouton, 1970. P. 1180–1206.

Справочная литература

1) Новая философская энциклопедия: В 4 т. 2-е изд., испр. и дополн. М.: Мысль, 2010.

2) Словарь русских писателей XVIII века: В 3 вып. Л.; СПб.: Наука, 1988–

2010. 1–21.

3) Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–22–. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019–.

4) Православная энциклопедия. Т. 1–57–. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000–2020–.

5) Российская историческая энциклопедия. Т. 1–9–. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011–2020–.